

Грэм
Грин



ТРЕТИЙ



1989 г.

Действие книги разворачивается в послевоенной Вене, некогда красивом городе, лежащем теперь в руинах. Городом управляют четыре победивших державы: Россия, Франция, Великобритания и Соединенные Штаты, и все они общаются друг с другом на языке своего прежнего врага. Повсюду царит мрачное настроение, чувство распада и разрушения. И, конечно напряжение возрастает по мере того как читатель втягивается в эту атмосферу тайны, интриг, предательства и постоянно изменяющихся союзов.

Форма изложения также интересна, поскольку рассказ ведется от лица британского полицейского. У него происходят интересные философские обсуждения с главным действующим лицом книги, также британцем по имени Ролло Мартинс. Ролло был вызван в Вену своим давним другом Гарри Лаймом, вот только по прибытии попадает как раз на его на похороны. Интрига углубляется, когда он берется за свое собственное расследование...

- [Грэм Грин](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Грэм Грин
Третий

Никогда не знаешь, какую пилюлю готовит тебе судьба. После первой встречи с Ролло Мартинсом я сделал о нем такую заметку для своей полицейской картотеки: «В обычной обстановке — беззаботный шалопай. Пьет, не зная меры, и способен причинять легкие неприятности. Пялится на всех проходящих женщин и дает им оценку, но, похоже, побаивается их. По-настоящему взрослым так и не стал, видимо, этим и объясняется его преклонение перед Лаймом». Я отметил в «обычной обстановке», потому что впервые увидел Мартинса на похоронах Гарри Лайма. Стоял февраль, земля промерзла, и могильщикам на Центральном кладбище Вены пришлось пустить в ход электробуры. Даже земля, казалось, никак не хотела принимать Лайма, но в конце концов его опустили в могилу и закопали. Над ним вырос холмик, и Ролло Мартинс быстро пошел прочь; казалось, он вот-вот пустится бегом на своих длинных, неуклюжих ногах; по его лицу тридцатипятилетнего мужчины текли детские слезы. Мартинс верил в дружбу, и потому дальнейшее потрясло его сильнее, чем могло бы потрясти меня или вас (вы сочли бы это галлюцинацией, а мне сразу бы пришло на ум рациональное — пусть даже совершенно неверное — объяснение). Расскажи он мне все сразу, скольких осложнений можно было бы избежать.

Если хотите разобраться в этой странной, довольно печальной истории, вам нужно представить себе место действия — разрушенную, сумрачную Вену, разделенную на оккупационные зоны четырьмя державами; границы советской, английской, американской и французской зон обозначены только щитами с надписями, а Иннерштадт, окруженный Рингом центр города с его массивными общественными зданиями и горделивыми статуями, находится под контролем всех четырех держав. В этом некогда очаровательном Старом городе каждая держава по очереди, как мы выражаемся, «председательствует» в течение месяца и отвечает за безопасность; тех, у кого хватало глупости допоздна тратить австрийские шиллинги в каком-то из ночных клубов, почти наверняка останавливал международный патруль — четыре человека, по одному от каждой державы, общавшихся друг с другом, если, конечно, они общались, на языке общего врага.

Я не бывал в Вене между войнами и слишком молод, чтобы описать старую Вену с музыкой Штрауса и деланно-непринужденным очарованием; для меня это просто город уродливых развалин, в прошлом феврале заснеженных и обледенелых. Дунай представлял собой серую мелкую грязную реку, протекал он по окраине города во второй, советской, зоне, Пратер (Остров и парк на нем. (Здесь и далее примеч. пер.)) лежал разрушенным, пустынным, заросшим бурьяном, лишь «колесо обозрения» вращалось над напоминающими брошенные жернова фундаментами каруселей, ржавыми подбитыми танками, которые никто не убирал, и торчащей кое-где из-под неглубокого снега мерзлой травой. У меня не хватает воображения представить, каким этот парк был раньше, точно так же мне трудно вообразить отель Захера не транзитной гостиницей для английских офицеров или увидеть улицу фешенебельных магазинов в Кертнерштрассе, отстроенной лишь до вторых этажей. Промелькнет с винтовкой на ремне русский солдат в меховой шапке, да одетые в пальто люди потягивают за окнами «Старой Вены» суррогатный кофе. Такой в общих чертах была Вена, куда Ролло Мартинс приехал седьмого февраля прошлого года. Я как мог восстановил эту историю по своим досье и рассказам Мартинса. Насколько от меня зависело, в ней все соответствует истине — я не выдумал ни строчки диалога, однако за память Мартинса ручаться не могу; история неприятная, если исключить из нее женщину; жестокая, печальная и унылая, не будь нелепого эпизода с лектором Британского общества культурных связей.

Британский подданный может путешествовать где угодно — при условии, что возьмет с собой не больше пяти английских фунтов, тратить которые за границей запрещено, — но без приглашения Лайма Ролло не пустили бы в Австрию, которая все еще является оккупированной территорией. Лайм предложил Мартинсу «расписать» заботу о международных беженцах, и Мартинс согласился, хотя это было не по его части. Поездка давала возможность отдохнуть, а он остро нуждался в отдыхе после инцидентов в Дублине и Амстердаме: свои романы с женщинами Мартинс неизменно завершал как «инциденты» — случайности, произошедшие помимо его воли, именуемые у страховых агентов «стихийными бедствиями». По приезде в Вену у него был изможденный вид и привычка оглядываться, поначалу вызвавшая у меня подозрения; потом я понял, что его страшит, как бы внезапно не появился кто-то из, допустим, шести бывших любовниц. Мартинс уклончиво сказал мне, что осложнял себе жизнь, то есть выразил то же самое, только другими словами.

Что касается того, чем же занимался Ролло Мартинс, то по его части были вестерны, дешевые книжицы в бумажных обложках, издаваемые под псевдонимом «Бак Декстер». Читателей у него было много, а вот денег мало. Он не смог бы позволить себе путешествие в Вену, если бы Лайм не предложил ему возместить расходы из какого-то точно не названного фонда пропаганды. Кроме того, Лайм обещал снабжать его бонами — единственной валютой, имевшей хождение в английских отелях и клубах. Итак, ровно с пятью бесполезными фунтовыми банкнотами Мартинс прибыл в Вену.

Во Франкфурте, где самолет из Лондона совершил посадку на час, произошел странный случай. Мартинс ел булочку с котлетой в американской столовой (авиалиния снабдила пассажиров шестидесятипятицентровыми талонами на питание), когда человек, в котором он за двадцать футов распознал журналиста, подошел к его столику.

— Мистер Декстер?

— Да, — ответил застигнутый врасплох Мартинс.

— На фото вы кажетесь старше, — заметил журналист. — Как насчет того, чтобы сделать заявление? Я представляю местную военную газету. Нам хотелось бы знать ваше мнение о Франкфурте.

— Я приземлился всего десять минут назад.

— Да, верно, — сказал журналист. — Каковы ваши взгляды на американский роман?

— Американских романов не читаю, — ответил Мартинс.

— Знаменитый едкий юмор, — отметил журналист.

Потом он указал на жующего хлеб маленького седого человека с двумя выпирающими зубами. — Вы случайно не знаете, это Кэри?

— Понятия не имею. Что за Кэри?

— Дж. Г. Кэри, разумеется.

— Никогда о таком не слышал.

— Вы, писатель, живете в каком-то другом мире. У меня задание встретиться с ним.

И Мартинс смотрел, как журналист идет к великому Кэри, а тот, отложив корку хлеба, приветствует его деланной улыбкой. Журналист получил задание встретиться не с Декстером, однако Мартинс невольно ощутил гордость — до сих пор никто не обращался к нему как к писателю: это чувство гордости и значительности заглушило досаду, что Лайм не встретил его в аэропорту. Нам никогда не свыкнуться с тем, что многие значат для нас больше, чем мы для них, — Мартинс чувствовал себя задетым, стоя у двери автобуса и глядя на снежинки,

падающие так редко и мягко, что громадные сугробы среди разрушенных зданий, казалось, были не результатом этих скудных осадков, а вечно лежали под слоем вечного снега.

Лайм не встретил Мартинса и возле отеля «Астория», на конечной остановке автобуса, не было в отеле и никакой записки — кроме загадочной, адресованной мистеру Декстеру совершенно неизвестным человеком по фамилии Крэббин: «Мы ждали, что вы прилетите завтра. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Я в аэропорт и обратно. Номер в отеле заказан». Но Мартинс был не из тех, кто остается на месте. В гостиной отеля рано или поздно произойдет инцидент, жизнь осложнится. Мне и сейчас слышатся его слова: «С инцидентами покончено. Хватит», — сказанные перед тем, как с головой окунуться в самый серьезный из инцидентов. У Ролло Мартинса всегда был внутренний конфликт — между нелепым именем и доставшейся от прапрадеда голландской фамилией. Ролло пялился на всех проходящих женщин, а Мартинс отрешивался от них. Трудно сказать, кто писал вестерны, Мартинс или Ролло.

Адрес Лайма у Мартинса имелся, а человек по фамилии Крэббин не вызвал у него ни малейшего любопытства; было ясно, что произошла ошибка, однако пока он не связывал ее с разговором во Франкфурте. Лайм писал Мартинсу, что разместит его у себя в большой реквизированной у нациста квартире на окраине Вены. Лайм мог бы расплатиться за такси, поэтому Мартинс поехал прямо к дому, расположенному в третьей (английской) зоне. Оставив водителя ждать, он пошел на четвертый этаж.

Как быстро человек обращает внимание на тишину даже в таком тихом городе, как Вена, с медленным снегопадом. Еще не дойдя до третьего этажа, Мартинс понял, что Лайма здесь не найдет, но тишина была настолько глубокой, что говорила не просто об отлучке — он стал догадываться, что Лайма не найти во всей Вене, а когда поднялся на четвертый этаж и увидел на ручке двери большой черный бант, — то и во всем мире. Конечно, бант мог означать, что умерла кухарка, экономка, кто угодно, помимо Гарри Лайма, но Мартинс понял — он догадывался об этом еще двадцатью ступенями ниже, — что Лайм, тот самый Лайм, который вот уже двадцать лет, с первой встречи в тусклом коридоре колледжа, когда надтреснутый колокол звонил к молитве, был его обожаемым кумиром, скончался. Мартинс не ошибся или ошибся не совсем. После того, как он позвонил в квартиру полдюжины раз, из соседней двери выглянул низенький угрюмый человек и раздраженно сказал:

— Перестаньте звонить. Там никого нет. Он погиб.

— Герр Лайм?

— Конечно, герр Лайм.

Позднее Мартинс рассказывал: «До меня не сразу дошло. Это было просто сообщение, как строки в „Тайме“, именуемые „Новости вкратце“».

Он спросил:

— Когда? Как?

— Попал под машину, — ответил тот человек. — В прошлый четверг. — И безучастно добавил, словно его это нисколько не трогало: — Погребение сегодня. Вы едва разминулись с ними.

— С ними?

— Покойного провожают несколько друзей.

— Он был в больнице?

— Везти его туда не имело смысла. Он был убит на месте, у крыльца — мгновенно. Его ударило правым крылом, и он растянулся, как заяц.

«Когда тот человек сказал „заяц“, — продолжил Мартинс, — Гарри Лайм ожил, превратился в мальчишку, принесшего „одолженное“ ружье; мальчишка вскочил среди длинных песчаных холмов бриквортской пустоши со словами: „Стреляй, болван, стреляй! Вон он!“ — И

заяц, раненный выстрелом Мартинса, побежал прятаться».

— Где его хоронят? — спросил Мартинс незнакомца.

— На Центральном кладбище. Нелегко будет рыть могилу в такой мороз.

Мартинс не представлял, как расплатится за такси и где в Вене удастся найти жилье и жить на пять английских фунтов, но эту проблему приходилось отложить до тех пор, пока он не увидит покойного Гарри Лайма. Он поехал прямо в пригород английской зоны, где находится Центральное кладбище. Туда пришлось ехать через советскую зону и немного спрямить путь по американской, которую безошибочно можно было узнать по кафе-мороженым на каждой улице. Вдоль высокой стены Центрального кладбища ходили трамваи, по другую сторону рельсов чуть ли не на милю растянулись резчики по камню и цветочницы со своим товаром — бесконечная цепь надгробий, ждущих покойников, и венков, ждущих плакальчиков.

Мартинс не предполагал, что этот заснеженный парк, куда он явился на последнее свидание с Лаймом, так громаден. И являться на это свидание без точно обозначенного места встречи было равносильно тому, как если бы Гарри оставил записку: «Встретимся в Гайд-парке», — не указав определенного места между статуей Ахиллеса и Ланкастерскими воротами: длинные, обозначенные буквами и цифрами ряды могил расходились в стороны, будто спицы огромного колеса; они с таксистом ехали с полмили на запад, потом полмили к северу, потом свернули к югу.

...Снег придавал громадным, помпезным фамильным памятникам комичный вид: снежный парик косо сползал на лицо ангела, у святого росли густые белые усы, а на голове у бюста высокопоставленного гражданского служащего Вольфганга Готтмана был пьяно заломлен снеговой кивер. Даже это кладбище было разделено на зоны между державами: советская зона была отмечена громадными статуями вооруженных людей, французская — рядами безымянных деревянных крестов и старыми обвисшими трехцветными флагами. Потом Мартинс вспомнил, что Лайм был католиком, и вряд ли его станут хоронить в английской зоне, которую они сейчас тщательно прочесывали. Поэтому они поехали назад через центр леса, где могилы залегли под деревьями, словно волки, сомкнувшие заиндевевшие ресницы в тени елей и сосен. Вдруг из-за стволов появились с тележкой трое в странной, черной с серебром, униформе восемнадцатого века и треугольных шляпах, перебрались через один из могильных холмиков и скрылись снова.

Это чистая случайность, что они вовремя отыскали место захоронения — единственный клочок земли в огромном парке, где снег отгрести в сторону и где стояла небольшая группа людей, занятых, по всей видимости, очень частным делом. Священник, слова которого невнятно доносились сквозь редкую пелену снега, умолк, и гроб уже вот-вот должны были опустить в землю. У могилы стояли двое мужчин в траурных одеяниях; один держал венок, который, видимо, забыл положить на гроб, потому что сосед толкнул его под локоть, и тот вздрогнул, спохватился и положил цветы. Чуть поодаль стояла молодая женщина, закрывая лицо руками, а я держался ярдах в двадцати, у другой могилы, с облегчением взирая на похороны Лайма и старательно разглядывая присутствующих. Для Мартинса я был просто неизвестным человеком в макинтоше. Он подошел ко мне и спросил:

— Не скажете ли, кого хоронят?

— Человека по фамилии Лайм, — ответил я и с изумлением увидел, что на глаза незнакомца навернулись слезы; он не походил на плаксу, а у Лайма, на мой взгляд, не могло быть плакальчиков — искренних плакальчиков с искренними слезами. Правда, там была молодая женщина, но при подобных умозаклечениях женщины в расчет не берутся.

Мартинс до конца простоял так, неподалеку от меня. И впоследствии сказал мне, что, как старый друг, не хотел навязываться новым — смерть Гарри выпала на их долю, пусть они его и погребают. Он тешил себя сентиментальной иллюзией, что жизнь Лайма — по крайней мере,

двадцать лет из нее — принадлежала ему. Едва могилу засыпали — я не религиозен и всегда с легким нетерпением жду конца суеты, окружающей смерть, — Мартинс зашагал к своему такси, его длинные ноги, казалось, вот-вот запутаются; он не сделал попытки заговорить ни с кем, и слезы, по крайней мере несколько скудных капель, которые в нашем возрасте способен выжать из себя каждый, уже катились по его щекам.

Ничье досье не бывает собрано полностью, ни одно дело не является окончательно закрытым даже сто лет спустя, когда все его участники мертвы. Поэтому я последовал за Мартинсом: те трое были мне известны, меня интересовал этот незнакомец. Догнав его у такси, я попросил:

— У меня нет машины. Может, подвезете в город?

— Ну, конечно, — ответил он. Я знал, что шофер моего «джипа» незаметно последует за нами. Когда мы отъезжали, я отметил, что Мартинс ни разу не оглянулся — те, что бросают последний взгляд, машут рукой на перроне вместо того, чтобы сразу уйти, не оглядываясь, почти всегда лицемерные плакальщики и любовники. Неужели они до того тщеславны, что им нужно рисоваться перед всеми, даже перед мертвыми?

— Моя фамилия Каллоуэй, — представился я.

— Мартинс, — ответил он.

— Вы были другом Лайма?

— Да.

На прошлой неделе большинство людей заколебалось бы, прежде чем признаться в этом.

— Давно здесь?

— Только сегодня из Англии. Гарри пригласил меня в гости. Я и представить не мог...

— Очень расстроены?

— Послушайте, — сказал он, — мне просто необходимо выпить, но денег у меня нет — только пять фунтов стерлингов. Буду очень признателен, если угостите.

Настал мой черед сказать: «Ну, конечно». Чуть поразмыслив, я назвал таксисту небольшой бар на Кертнер-штрассе. Мне казалось, Мартинсу лучше пока не появляться в шумных английских барах, где толкуются проезжие офицеры с женами. А в этом баре — видимо, из-за непомерных цен — редко кто бывал, кроме какой-нибудь поглощенной друг другом парочки. Правда, там подавали только приторный шоколадный ликер, за который официант драл как за коньяк, но Мартинсу, видимо, было все равно, что пить, лишь бы отвлечься от настоящего и прошлого. На двери висело объявление, что бар открыт с шести до десяти, но мне нужно было лишь толкнуть дверь и пройти через переднюю комнату. Маленькая комнатка досталась нам на двоих, единственная парочка находилась в соседней, официант, знавший меня, удалился, чтобы принести бутерброды с икрой. Мы оба хорошо знали, что у меня есть счет на служебные расходы.

Торопливо выпив две рюмки, Мартинс сказал:

— Прошу прощения, но лучшего друга у меня не бывало.

В сущности, я ничего не знал о Мартинсе и, решив вывести его из себя — таким образом можно выведать многое, — отпустил реплику:

— Фраза прямо-таки из дешевой повестушки.

— А я и пишу дешевые повестушки, — незамедлительно ответил он.

Все-таки кое-что я узнал. Пока Мартинс не выпил третью рюмку, казалось, из него слова не вытянешь, но я был уверен, что он из тех людей, которые после четвертой становятся несносными.

— Расскажите о себе — и о Лайме, — попросил я.

— Послушайте, — сказал он, — мне позарез нужно выпить еще, но нельзя же все время

вводить в расход постороннего человека. Не могли бы вы разменять один-два фунта на австрийские деньги?

— Пусть вас это не беспокоит, — ответил я и позвал официанта. — Угостите меня, когда возьму отпуск и приеду в Лондон. Вы хотели рассказать, как познакомились с Лаймом.

Мартинс вертел рюмку шоколадного ликера, не сводя с него глаз, словно с магического кристалла.

— Это было давно, — сказал он. — Вряд ли кто знает Гарри так, как я.

Тут мне вспомнилась хранящаяся в моем кабинете толстая папка с докладами сотрудников, все они утверждали одно и то же. Сотрудникам своим я верю: подбирал их я очень тщательно.

— Как давно?

— Двадцать лет назад — даже немного побольше. Познакомился я с ним в колледже, на первом курсе. Мне и сейчас видится этот колледж. Видится доска объявлений. И слышится звон колокола. Гарри был курсом старше меня и знал все ходы и выходы. Я многое у него перенял.

Торопливо отпив из рюмки, Мартинс снова завертел свой магический кристалл, словно хотел отчетливее разглядеть то, что там виднелось.

— Даже странно. Так ясно не помню знакомства ни с одной из женщин.

— Добивался он в колледже успехов?

— Не тех, что от него ждали. И каких только ухищрений не придумывал. Он прекрасно умел все распланировать. По истории, по английскому я успевал гораздо лучше, чем Гарри, но оказывался полным балбесом, когда доходило до выполнения его замыслов. — Мартинс рассмеялся: под влиянием выпивки и разговора у него начинало проходить потрясение. — Попадался всегда я.

— И Лайма это вполне устраивало.

— Что вы имеете в виду, черт возьми? — вскипел он. Начиналась хмельная раздражительность.

— А разве не так?

— То была моя вина, а не его. При желании Гарри мог бы подыскать кого-то и поумнее, но я ему нравился. Он упорно нянчился со мной.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Полгода назад. Гарри приезжал в Лондон на конгресс медиков. Он ведь по образованию врач, хотя никогда не практиковал. Это в его духе. Убедиться, что способен достичь цели, а потом потерять к ней интерес. Но он говорил, что профессия врача часто оказывалась ему на руку.

И это тоже было правдой. Странно, как Лайм, которого знал он, походил на того, что знал я: только он видел Лайма под другим углом или в ином свете.

— Одним из качеств, которые мне нравились в Гарри, — сказал Мартинс, — был юмор. — И улыбнулся так, что показался лет на пять моложе. — Я фигляр. Люблю валять дурака. Но Гарри был по-настоящему остроумен. Знаете, он мог бы писать прекрасную легкую музыку, если бы как следует брался за дело.

Мартинс просвистал мелодию — мне она показалась смутно знакомой.

— Гарри написал эту вещицу при мне. Минуты за две, на обложке тетради. И всегда потом насвистывал, что-то обдумывая. Она была его позывным. — Мартинс засвистал ее снова, и я вспомнил, кто автор — разумеется, не Гарри. Мне хотелось сказать об этом, но к чему? Досвистав, Мартинс глянул в свою рюмку, допил, что там оставалось, и сказал:

— Очень жаль, что он погиб таким образом.

— Ему посчастливилось как никогда, — сказал я. До Мартинса не сразу дошло: он слегка опьянел.

— Посчастливилось?

— Вот именно.

— Потому, что не ощущал боли?

— Тут ему тоже повезло.

Тон мой задел Мартинса больше, чем слова. Он негромко спросил с угрозой — я видел, как его правая рука сжалась в кулак:

— К чему вы клоните?

Нет ни малейшего смысла выказывать физическую храбрость во всех ситуациях. Я отодвинулся со стулом назад, подальше от его кулака.

— Клоню к тому, что у меня в полицейском управлении его дело закончено. Не попади Лайм под машину, он получил бы срок — и очень большой.

— За что?

— Он был один из гнуснейших мошенников в этом городе.

Мой собеседник прикинул расстояние между нами и понял, что меня не достать. Ролло хотелось пустить в ход кулаки, но Мартинс был сдержанным, осторожным. Я стал понимать, что Мартинс опасен. И усомнился в своей первоначальной оценке: Мартинс не казался таким простофилей, какого представлял собой Ролло.

— Вы служите в полиции? — спросил он.

— Да.

— Терпеть не могу полицейских. Все они либо продажные, либо тупые.

— Об этом и пишете в своих книгах?

Мартинс постепенно передвигался вместе со стулом вокруг столика, чтобы загородить мне выход. Я переглянулся с официантом, и тот понял меня без слов. Есть смысл проводить беседы всегда в одном и том же баре.

Притворно улыбаясь, Мартинс ехидно сказал:

— В книгах мне приходится называть их шерифами.

— Бывали в Америке? — разговор становился пустым.

— Нет. Это допрос?

— Просто любопытство.

— Дело в том, что если Гарри был мошенником, значит, преступник и я. Мы всегда орудовали вместе.

— Мне кажется, Лайм собирался втянуть вас в свою организацию. И не удивлюсь, если вам была уготована роль козла отпущения. Таким был его метод в колледже — судя по вашим словам. Ведь директору кое-что становилось известно.

— Для вас главное закрыть дело, не так ли? Очевидно, велась мелкая торговля бензином, пришить обвинение было некому, и вы свалили все на покойного. Вполне в полицейском духе. Вы, я полагаю, настоящий полицейский?

— Да, из Скотленд-Ярда, однако в армии мне присвоили звание полковника.

Мартинс уже находился между мной и дверью, я не мог выйти из-за стола, не приблизившись к нему, потасовок я не люблю, и, кроме того, он выше меня на шесть дюймов.

— Торговля велась не бензином, — сказал я.

— Автопокрышками, сигаретами... Почему бы вам не схватить для разнообразия несколько убийц?

— Можно сказать, что Лайм не чурался и убийств.

Мартинс одной рукой опрокинул столик, а другой попытался ударить меня, но спьяну промахнулся. Второй попытки он сделать не успел — мой шофер обхватил его сзади. Я сказал:

— Полегче с ним. Это всего-навсего перепивший писатель.

— Прошу вас, успокойтесь, сэр. — У моего шофера было преувеличенное чувство почтения к представителям того класса, из которого выходят офицеры. Возможно, он назвал бы «сэром» и Лайма.

— Послушайте, черт возьми, Каллаган, или как вас там...

— Каллоуэй. Я англичанин, а не ирландец.

— Я выставлю вас самым большим ослом в Вене. На этого покойника вам не удастся свалить нераскрытые дела.

— Понятно. Хотите найти настоящего преступника? Такое бывает только в ваших книжках.

— Пусть он отпустит меня, Каллаган. Обещаю выставить вас ослом. Получив синяк, вы несколько дней отлежитесь в постели, и все. Когда же я разделаюсь с вами, вам придется удирать из Вены.

Я достал фунта на два бонов и сунул ему в нагрудный карман.

— На сегодняшней вечер этого будет достаточно. Непременно закажите себе билет на завтрашний самолет в Лондон.

— Вы не имеете права выдворять меня.

— Да, но в этом городе, как и в других, нужны деньги. Если обменяете фунты на черном рынке, я в течение суток арестую вас. Пусти его.

Ролло Мартинс отряхнулся:

— Спасибо за угощение.

— Не стоит благодарности.

— Рад, что не стоит. Видимо, оно идет по графе служебных расходов?

— Да.

— Встретимся через недельку-другую, когда я соберу сведения.

Было видно, что Мартинс не в себе, и поэтому я не принял его всерьез.

— Могу приехать завтра в аэропорт, проводить вас.

— Не тратьте попусту времени. Меня там не будет.

— Пейн проводит вас в отель Захера.

Мартинс шагнул в сторону, словно уступая дорогу официанту, и бросился на меня, но я успел отскочить, хотя и споткнулся о поваленный столик. Чтобы не дать ему броситься снова, Пейн ударил его в подбородок. Мартинс грохнулся в проход между столиками.

— Вы, кажется, обещали не драться, — заметил я. Он отер рукавом кровь с губы и сказал:

— О нет, я обещал выставить вас ослом, но не говорил, что заодно не поставлю вам фонаря.

У меня был тяжелый день, и я устал от Ролло Мартинса. Сказав Пейну: «Доведи его до отеля, чтобы с ним ничего не случилось. Если будет вести себя тихо, больше не бей», — я отвернулся от обоих и направился к внутреннему бару (потому что заслуживал еще рюмки). Пейн почтительно сказал человеку, которого только что сбил с ног.

— Пойдемте, сэр. Это здесь, за углом.

О дальнейших событиях я узнал не от Пейна, а от Мартинса, долгое время спустя, восстанавливая цепь событий, которые действительно — хотя и не в том смысле, как рассчитывал он, — подтвердили, что я дурак. Пейн лишь подвел его к столу портье и объяснил: «Этот джентльмен прилетел из Лондона. Полковник Каллоуэй говорит, что он должен получить комнату». После этого сказал Мартинсу: «Всего доброго, сэр», и ушел. Видимо, его смущала разбитая губа Мартинса.

— Вам забронирован номер, сэр? — спросил портье.

— Нет. Не думаю, — приглушенно ответил Мартинс, прижимая к губе платок.

— Я подумал, что, возможно, вы мистер Декстер. У нас на неделю заказан номер для мистера Декстера.

Мартинс сказал: «Да, это я». Как он рассказывал потом, ему пришло на ум, что Лайм сделал заказ на эту фамилию, потому что для пропагандистских целей был нужен Бак Декстер, а не Ролло Мартинс. Рядом кто-то произнес: «Простите, пожалуйста, мистер Декстер, что вас не встретили у самолета. Моя фамилия Крэббин».

Мистер Крэббин оказался моложавым человеком средних лет с лысиной на макушке и в массивных роговых очках. Извиняющимся тоном он продолжал:

— Один из наших звонил во Франкфурт и узнал, что вы летите сюда. В штабе, как всегда, напутали и телеграфировали, что вы не придете. Там что-то говорилось насчет Швеции, но телеграмма была сильно искажена. Получив известие из Франкфурта, я поехал в аэропорт, но разминутся с вами. Вы получили мою записку?

Прижимая платок к губе, Мартинс промямлил:

— Да. Что дальше?

— Можно сразу сказать, мистер Декстер, что я очень рад познакомиться с вами.

— Приятно слышать.

— Я с детства считаю вас величайшим романистом нашего века.

Мартинс скривился. Боль помешала ему открыть рот и возразить. Он сердито взглянул на Крэббина, однако этот моложавый человек и не собирался его разыгрывать.

— Ваши книги, мистер Декстер, очень популярны у австрийцев, как в переводе, так и в оригинале. Особенно роман «Выгнутый челн». Это и моя любимая книга.

Мартинс напряженно соображал.

— Вы сказали — на неделю?

— Да.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Мистер Шмидт, администратор, будет ежедневно снабжать вас талонами на питание. Но я думаю, вам потребуется и немного наличных денег. Мы это устроим. Завтра, видимо, вы захотите отдохнуть, оглядеться.

— Да.

— Если нужен гид, то любой из нас, конечно же, будет к вашим услугам. А послезавтра вечером в институте состоится небольшая дискуссия о современном романе. Мы надеемся, что вы откроете ее, произнесете несколько слов и в конце ответите на вопросы.

Мартинс был готов согласиться на что угодно, лишь бы отделаться от Крэббина да к тому же обеспечить себе на неделю бесплатный стол и жилье, а Ролло, как мне предстояло узнать, всегда принимал любое предложение — выпить, пойти к женщинам, пошутить, найти новое развлечение.

— Конечно, конечно, — пробормотал он в платок.

— Простите, мистер Декстер, у вас болит зуб? Я знаю очень хорошего дантиста.

— Нет. Получил по зубам, вот и все.

— Господи! Кто же это вас, грабители?

— Солдат. Я хотел поставить фонарь под глаз его полковнику.

Убрав платок, Мартинс показал рассеченную губу. По его словам, Крэббин лишился дара речи. Мартинс не мог понять почему, так как даже не слышал о своем знаменитом современнике Бенджамине Декстере. Мне лично Декстер очень нравится, и понять ошеломление Крэббина я могу. Как стилиста Декстера сравнивают с Генри Джеймсом, однако мелочам жизни героинь он уделяет больше внимания, чем его учитель, — враги иногда называют его изысканный, сложный, неровный стиль стародевичьим. У человека, не достигшего пятидесяти, пристрастие к описанию вышивок и манера успокаивать не особенно взволнованную душу плетением кружев — прием, обожаемый его последователями, — естественно, кажутся кое-кому несколько вычурными.

— Читали вы книгу «Одинокый всадник из Санта-Фе»?

— Нет, не припомню.

— Лучший друг этого одинокого всадника, — сказал Мартинс, — был застрелен шерифом в городке Лост Клейм Галч. В книге повествуется о том, как всадник преследовал шерифа, делая все в рамках закона, и в конце концов отомстил ему сполна.

— Вот уж не думал, мистер Декстер, что вы читаете вестерны, — удивился Крэббин, и потребовалась вся решительность Мартинса, чтобы удержать Ролло от слов: «Я ведь их пишу».

— Точно так же я преследую полковника Каллагана.

— Никогда о таком не слышал.

— А о Гарри Лайме слышали?

— Да, — сдержанно ответил Крэббин, — но близко его не знал.

— Это был мой лучший друг.

— Мне кажется, он... не особенно интересовался литературой.

— Как и все мои друзья.

Крэббин нервно захлопал глазами и сказал утешающе:

— Зато интересовался театром. Одна его приятельница — актриса — изучает в институте английский. Он несколько раз заезжал за ней.

— Молодая? Старая?

— Молодая, очень молодая. Хотя актриса, на мой взгляд, неважная.

Мартинс вспомнил, что на похоронах была молодая женщина, закрывавшая лицо руками.

— Мне хотелось бы познакомиться с любым другом Гарри, — сказал он.

— Возможно, она придет на вашу лекцию.

— Австрийка?

— Называет себя австрийкой, но, подозреваю, она венгерка. Работает в театре «Йозефштадт». Не удивлюсь, если Лайм помог ей выправить документы. Фамилию она носит Шмидт, Анна Шмидт. Трудно представить себе молодую английскую актрису, называющую себя Смит, не так ли? И к тому же хорошенькую. Фамилия у нее, мне кажется, ненастоящая.

Мартинс понял, что ничего больше от Крэббина не добьется, поэтому сослался на утомительный день, на усталость, пообещал позвонить утром, принял десять фунтов в бонах на неотложные нужды и отправился к себе в номер. Ему показалось, что деньги он зарабатывает быстро — двенадцать фунтов менее чем за час.

Мартинс устал: он понял это, едва прилег на кровать прямо в башмаках. Через минуту Вена осталась далеко позади, он шел густым лесом, проваливаясь в снег по щиколотку. Заухал филин,

и внезапно ему стало одиноко и страшно. У него была назначена встреча с Гарри под определенным деревом, но как в таком густом лесу найти то, которое нужно? Потом он увидел какого-то человека и побежал к нему: тот насвистывал знакомую мелодию, и на душе у Мартинса полегчало от радости и сознания, что наконец он не один. Потом человек повернулся, и оказалось, что это вовсе не Гарри — в небольшом кругу талого снега стоял и усмехался какой-то незнакомец, а филин все продолжал ухать. Внезапно Мартинс проснулся — у кровати звонил телефон.

Голос с легким — очень легким — иностранным акцентом спросил:

— Мистер Ролло Мартинс?

— Да. — Приятно было снова стать собой, а не Декстером.

— Вы меня не знаете, — без особой надобности сообщил обладатель голоса, — но я был другом Гарри Лайма.

Услышать, что кто-то называет себя другом Гарри, тоже было приятно. Мартинс ощутил симпатию к незнакомцу.

— Буду рад познакомиться с вами, — ответил он.

— Я нахожусь за углом, в «Старой Вене».

— Может, встретимся завтра? У меня был очень напряженный день.

— Гарри просил позаботиться о вас. Когда он умирал, я был рядом с ним.

— Я думал... — начал Мартинс и осекся. Ему хотелось сказать: «Думал, он умер мгновенно», но что-то его удержало. Вместо этого он продолжил:

— Вы не назвали своей фамилии.

— Курц, — произнес голос. — Я бы заглянул к вам, но австрийцев не пускают в отель Захера.

— Могли бы мы встретиться утром в «Старой Вене»?

— Конечно, — ответил голос, — если вы совершенно уверены, что дотянете до утра.

— Как это понять?

— Гарри беспокоился, что у вас не будет ни гроша.

Ролло Мартинс, не выпуская трубки, снова лег в кровать и подумал: «Приезжайте в Вену делать деньги». Вот уже третий человек менее чем за пять часов предлагал финансировать его. И сдержанно ответил: «О, до встречи с вами я продержусь». Не имело смысла отвергать предложение, не зная, что за ним кроется.

— Тогда, может, в одиннадцать в «Старой Вене» на Кертнерштрассе? Я буду в коричневом костюме, с одной из ваших книг.

— Отлично. Как попала к вам моя книга?

— Дал Гарри.

Голос был доброжелательным и внушающим доверие, но, пожелав доброй ночи и повесив трубку, Мартинс невольно подумал, что если перед смертью Гарри был в полном сознании, то почему не попросил предупредить телеграммой его приезд? А ведь Каллаган говорил, что Гарри умер мгновенно — или, как он выразился, «безболезненно». Или он сам вложил в уста Каллагану эти слова? И тут у Мартинса возникло твердое убеждение, что со смертью Лайма что-то неясно, что полиция по тупости не смогла чего-то раскрыть. Он попытался сделать это сам, выкурил в раздумье две сигареты, но в конце концов заснул, не поужинав и не раскрыв тайны.

«Что мне сразу не понравилось в Курце, — рассказывал Мартинс, — так это его парик. Он просто бросался в глаза — прилизанный, желтый, великоватый, волосы сзади подрезаны как по линейке. Если человек прячет лысину, в нем непременно есть что-то фальшивое. Кроме того, морщинки, складки в уголках глаз, придающие лицу обаяние и причудливость, казалось, были

наведены гримировочным карандашом, чтобы производить впечатление на романтичных школьниц».

Этот разговор состоялся несколько дней спустя — Мартинс рассказывал мне обо всем, когда это уже почти не представляло интереса. После упоминания о романтичных школьницах я заметил, что его рассеянный взгляд внезапно на чем-то сосредоточился. То была молодая женщина — ничем не примечательная, отметил я, — торопливо идущая под хлопьями снега мимо окон моего кабинета.

— Хорошенькая? — спросил я. Мартинс отвернулся от окна и ответил:

— С этим навсегда покончено. Знаете, Каллоуэй, в жизни человека наступает время, когда он бросает...

— Понятно. Просто мне показалось, вы смотрели на женщину.

— Смотрел. Но только потому, что на миг она мне напомнила Анну — Анну Шмидт.

— А что, Анна разве не женщина?

— В некотором смысле.

— Как это понять?

— Она была подружкой Гарри.

— А теперь досталась вам?

— Анна не такая, Каллоуэй. Разве вы не видели ее на похоронах? Я больше не хочу осложнений. Их мне хватит до конца жизни.

— Вы рассказывали про Курца, — напомнил я.

...Курц старательно делал вид, будто поглощен «Одиноким всадником из Санта-Фе». И когда Мартинс подсел к нему, сказал с плохо наигранным восторгом:

— Вам замечательно удастся создавать напряжение.

— Напряжение?

— Подозрение. На это вы мастер. В конце каждой главы кажется...

— Итак, вы были другом Гарри, — перебил Мартинс.

— Полагаю — ближайшим. — Спohватившись, Курц добавил: — Если не считать вас.

— Расскажите, как он погиб.

— Это случилось у меня на глазах. Мы вместе вышли из дома, в котором он жил, и Гарри увидел на другой стороне улицы знакомого — американца по фамилии Кулер. Он помахал Кулеру рукой и направился к нему, но тут из-за угла вылетел «джип» и сбил его. По правде говоря, виноват был Гарри, а не водитель.

— Один человек сказал мне, что он умер мгновенно.

— К сожалению, нет. Однако смерть наступила до приезда «скорой помощи».

— Гарри был способен говорить?

— Да. Несмотря на мучительную боль, он беспокоился о вас.

— Что он говорил?

— Точных слов я не помню, Ролло, — мне можно называть вас по имени, правда? Гарри в разговорах с нами называл вас только так. Просил, чтобы я позаботился о вас, когда вы приедете, не оставил без присмотра. И приобрел обратный билет.

Сказав об этом, Мартинс заметил: «Видите, все предлагали мне обратный билет и деньги».

— Почему ж не известили меня телеграммой?

— Видимо, вы не успели ее получить. Цензура, зоны... Телеграмма может идти целых пять дней.

— Дознание проводилось?

— Конечно.

— Вы знали, что у полиции есть смехотворное убеждение, будто Гарри замешан в какой-то

махинации?

— Нет. Но в Вене все чем-то промышляют. Все мы продаем сигареты, вымениваем шиллинги на боны и все такое прочее.

— Полиция имеет в виду нечто более серьезное.

— У полицейских иногда бывают нелепые заблуждения, — сдержанно ответил человек в парике.

— Я пробуду здесь, пока не докажу, что они неправы. Курц резко повернул голову, и парик едва не съехал на сторону.

— Какой в этом смысл? — спросил он. — Ничто уже не вернет Гарри.

— Я заставлю этого полицейского удрать из Вены.

— Не представляю, как вам это удастся.

— Восстановлю последовательность событий, начиная со смерти Гарри. Там, на месте гибели Гарри, были вы, этот самый Кулер и водитель. Вы можете дать их адреса?

— Адреса водителя у меня нет.

— Узнаю из протокола коронера (Следователь, ведущий дела о насильственной или внезапной смерти.). А потом еще подружка Гарри...

— Для нее это будет мучительно.

— Меня заботит не она, а мой друг.

— Известно вам, в чем его подозревала полиция?

— Нет. Я слишком быстро вспыхнул тогда.

— А вас не пугает, — вкрадчиво спросил Курц, — что, возможно, вы обнаружите что-то... ну, порочащее Гарри?

— Пойду и на такой риск.

— Для этого требуются время и — деньги.

— Время у меня есть, а денег вы собирались мне одолжить, не так ли?

— Я не богач, — заметил Курц. — Гарри я обещал позаботиться, чтобы вы ни в чем не терпели нужды и заказать вам билет обратно...

— Не беспокойтесь ни о деньгах, ни о билете, — успокоил Мартинс. — Но я заключу с вами пари в фунтах стерлингов — пять фунтов против двухсот шиллингов, что в гибели Гарри есть что-то подозрительное.

Это был выстрел наугад, но у Мартинса уже появилось твердое интуитивное убеждение, что со смертью Лайма не все ясно, хотя к интуиции он еще не приложил слово «убийство». Курц в это время подносил ко рту чашку кофе, и Мартинс наблюдал за ним. Выстрел, очевидно, не попал в цель: Курц твердой рукой держал чашку у рта и, прихлебывая, пил большими глотками. Потом поставил чашку на стол и сказал:

— Подозрительное? Что вы имеете в виду?

— Полиции было выгодно иметь труп, но ведь это могло быть выгодно также и настоящим преступникам?

Окончив фразу, Мартинс понял, что его необдуманное заявление оставило Курца равнодушным. Не маскировался ли он сдержанностью и спокойствием? Руки преступника не обязательно дрожат — только в книгах выроненный стакан говорит о волнении. Напряжение гораздо чаще проявляется в нарочитых действиях. Курц допивает кофе с таким видом, будто ничего не было сказано.

— Что ж, — он отпил еще глоток, — я, конечно, желаю вам удачи, хотя, по-моему, искать тут нечего. Если будет нужда в какой-то помощи, скажите.

— Мне нужен адрес Кулера.

— Да-да. Сейчас напишу. Вот, пожалуйста. Это в американской зоне.

— А ваш?

— Написан ниже. Это в советской.

Курц поднялся с хорошо поставленной венской улыбкой; изящные, словно подведенные тонкой кистью, морщинки в уголках глаз и губ придавали ему обаяние.

— Держите со мной связь, и если понадобится помощь... Но все же я думаю, что это совершенно напрасная затея. — Он взял со стола «Одинокого всадника». — Очень горжусь знакомством с вами. С мастером интриги, — и одной рукой поправил парик, а другой, легко проведя по губам, бесследно стер улыбку.

Мартинс сидел на жестком стуле у служебного входа в театр «Йозефштадт». После утреннего спектакля он послал Анне Шмидт свою визитную карточку, приписав к ней: «друг Гарри». То в одном, то в другом из расположенных аркадой окошек с кружевными занавесками гас свет — актеры расходились по домам подкрепиться перед вечерним спектаклем кофе без сахара и булочкой без масла. Все это казалось кинодекорацией улочки в съемочном павильоне, но и на этой улочке даже в теплом пальто было холодно, поэтому Мартинс поднялся и стал расхаживать под окошками взад-вперед. По его словам, он чувствовал себя как Ромео, не знающий балкона Джульетты.

Время поразмыслить у него было: он уже утомился, теперь в нем преобладал Мартинс, а не Ролло. Когда в одном из окошек погас свет и актриса спустилась в коридор, он даже не взглянул на нее. С инцидентами было покончено. Он думал: «Курц был прав. Полиция знает свое дело. Я веду себя как романтичный болван. Вот только скажу Анне Шмидт несколько слов, выражу соболезнование, а потом соберусь и уеду». О мистере Крэббине он забыл напрочь.

— Мистер Мартинс, — послышалось сверху.

Он поднял взгляд и в нескольких футах над головой увидел в окне меж раздвинутых занавесок женское лицо. Оно не было красивым, твердо заявил он, когда я обвинял его в очередном инциденте. Просто открытое, обрамленное темными волосами лицо; карие при таком освещении глаза, широкий лоб, большой рот, отнюдь не претендующий на обаяние. Ролло Мартинсу показалось, что тут не может быть тех внезапных, безрассудных мгновений, когда запах волос или прикосновение руки изменяют жизнь. Женщина позвала:

— Будьте добры, поднимитесь. Вторая дверь направо.

Есть люди, старательно объяснял мне Мартинс, в которых, сразу же признаешь друзей. С ними можно держать себя непринужденно, так как знаешь, что никогда, никогда не будет никаких осложнений. «Анна была такой», — сказал он. Я не понял, умышленно или нет в прошедшем времени.

В отличие от большинства артистических уборных эта была почти пуста: ни шкафа, набитого одеждой, ни наваленных на столе косметики и грима — на двери висел пеньюар, свитер, который Мартинс уже видел во втором акте, лежал на единственном кресле, на трюмо стояла неполная баночка с гримом. На газовой конфорке негромко шумел чайник.

— Хотите чаю? — предложила Анна. — Кто-то на прошлой неделе послал мне пачку. Знаете, иногда на премьерах американцы посылают чай вместо цветов.

— С удовольствием выпью чашку, — ответил Мартинс, хотя чая терпеть не мог. Он смотрел, как Анна неумело заваривает напиток: вода не вскипела, чайник был не прогрет, заварки недостаточно.

— Не понимаю, почему англичане так любят чай, — сказала она.

Мартинс выпил свою чашку быстро, словно лекарство, и смотрел, как Анна осторожно и с изяществом пьет маленькими глотками.

— Мне очень хотелось повидать вас, — начал он. — Поговорить о Гарри.

Это был ужасный миг: Мартинс увидел, как при этих словах губы ее плотно сжались.

— Да?

— Я знал Гарри двадцать лет. Был его другом. Мы вместе учились в колледже, а потом... редкий месяц не виделись...

— Получив вашу карточку, — сказала она, — я не смогла отказаться от встречи. Но, в сущности, говорить нам не о чем, не так ли? Не о чем.

— Я хотел узнать...

— Гарри мертв. Его нет. Всему конец, все позади. Что толку в разговорах?

— Мы оба любили его.

— Я сама не пойму, любила или нет. В таких вещах невозможно разобраться... впоследствии. Сейчас я знаю только...

— Только?

— Что мне хочется тоже умереть.

«Тут я решил уйти, — рассказывал Мартинс. — Стоило ли мучить ее из-за моей сумасбродной идеи?» Но вместо этого спросил, знаком ли ей человек по фамилии Кулер.

— Американец? Кажется, это тот самый, который принес мне денег, когда погиб Гарри, — ответила Анна. — Я не хотела их брать, но он сказал, что Гарри беспокоился обо мне... в последнюю минуту.

— Значит, он умер не мгновенно?

— Нет.

«Я стал удивляться, — продолжал Мартинс, — почему эта мысль так прочно засела у меня в голове. Потом подумал, что о мгновенной смерти мне говорил только сосед Гарри, больше никто». И он сказал Анне:

— Должно быть, перед смертью у него была очень ясная голова, потому что обо мне он тоже помнил. Значит, видимо, не очень мучился.

— Вот это я все время и твержу себе.

— Вы знаете врача, который прибыл на место происшествия?

— Знаю. Однажды Гарри посылал меня к нему. Это был его врач. Они ведь жили рядом.

Ни с того ни с сего в мозгу Мартинса возникла картина: пустынное место, тело на земле и стайка слетевшихся к телу птиц. Возможно, то складывался в подсознании фрагмент его будущей книги. Картина тут же исчезла, и Мартинс подумал: как странно, что в ту минуту там были все друзья Гарри: Курц, врач, Кулер; недоставало, казалось, только двух людей, которые его любили. Он спросил:

— А водитель? Что показал он?

— Водитель был расстроен, испуган. Но Кулер, да и Курц своими показаниями оправдали его. Нет, он, бедняга, не был виноват. Гарри часто хвалил его осторожность за рулем.

— Он тоже знал Гарри?

Еще одна птица опустилась, хлопая крыльями, и присоединилась к остальным, сидящим возле неподвижного тела, лежащего на песке. Теперь по одежде и позе мальчишки Мартинс признал в нем Гарри.

Снизу кто-то окликнул:

— Фройляйн Шмидт!

— Нам не позволяют надолго задерживаться, — пояснила Анна. — Чтобы не жгли зря электричество.

И тогда Мартинс решил не щадить ее:

— Полицейские говорят, что собирались арестовать Гарри. Пришили ему какое-то мошенничество.

Это сообщение она восприняла, как и Курц.

— Все чем-нибудь промышляют.

— Я не верю, что он был замешан в чем-то серьезном.

— Не был.

— Но его могли ложно обвинить. Знаете вы Курца?

— Не припоминаю.

— Он носит парик.

— Ах, этот...

Мартинс понял, что попал в цель. И спросил:

— Не кажется ли вам странным, что все они были там в момент гибели Гарри? Все его знали. Даже водитель, врач...

— Я тоже об этом думала, — устало сказала Анна. — И задавала себе вопрос: может, они убили его? Но какой смысл в подобных вопросах?

— Я доберусь до этих мерзавцев.

— Напрасная затея. Возможно, полиция права. Может, бедняга Гарри впутался...

— Фройляйн Шмидт! — снова послышалось снизу.

— Мне пора, — сказала Анна.

— Я вас немного провожу.

Уже почти стемнело, снегопад утих, громадные статуи Ринга: орлы, колесницы и вставшие на дыбы кони — казались мрачно-серыми в угасающем вечернем свете. На тротуарах лежал неубранный снег.

— Лучше оставить все и забыть, — промолвила Анна.

— Дайте мне, пожалуйста, адрес врача.

Они укрылись от ветра у стены, и Анна написала адрес.

— Свой тоже.

— Зачем он вам?

— Возможно, у меня окажутся для вас новости.

— Никакие новости мне не помогут.

Мартинс смотрел издали, как Анна, опустив голову, стоит на остановке трамвая, и ему внезапно представился чернеющий на снегу маленький вопросительный знак.

Сыщик-любитель свободно распоряжается своим временем, в этом его преимущество перед профессионалом. Ролло Мартинс не ограничивался восемью часами в день и за день проделывал такой путь, какого моему человеку не успеть и за два; к тому же у него имелся тот изначальный перевес над нами, что он был другом Гарри. Можно сказать, Мартинс действовал изнутри, в то время как мы искали лазейку снаружи.

Доктор Винклер был дома. Возможно, для полиции его бы не оказалось. Мартинс снова написал на визитной карточке слова, открывающие все двери: «Друг Гарри Лайма».

Приемная доктора напомнила Мартинсу лавку с церковным антиквариатом. Там были бесчисленные распятия, изготовленные, однако, не позднее семнадцатого века. Статуэтки из дерева и слоновой кости. Несколько ковчегов с мощами: обломки костей с именами святых лежали на фольге в овальных рамках. Мартинс подумал, что если они подлинные, то какая странная судьба у обломка пальца святой Сюзанны — покоиться в приемной доктора Винклера. Даже уродливые стулья с высокими спинками выглядели так, будто на них когда-то восседали кардиналы. Пахло затхлостью, хотя там был бы к месту запах ладана. В маленьком золотом ларчике хранился обломок истинного креста.

Доктор Винклер оказался самым опрятным врачом, какого только видел Мартинс, — низеньким, хрупким, в черном фраке и с высоким накрахмаленным воротничком, черные усики его походили на галстук-бабочку. Он чихнул: возможно, чистоплотность и была причиной его простуды.

— Мистер Мартинс?

И у Ролло Мартинса возникло неудержимое желание как-то замарать этого чистюлю. Он спросил:

— Доктор Винтик?

— Доктор Винклер.

— А у вас тут любопытная коллекция.

— Да.

— Эти кости святых...

— Кости кроликов и цыплят. — Доктор Винклер извлек из рукава большой белый платок, словно фокусник флаг своей страны, и, поочередно зажимая ноздри, тщательно, аккуратно высморкался. Казалось, он выбросит платок после первого же употребления.

— Попрошу вас, мистер Мартинс, назвать цель своего визита. Меня ждет пациент.

— Мы оба были друзьями Гарри Лайма.

— Я был его медицинским консультантом, — поправил доктор Винклер, с непреклонным видом стоя меж двух распятий.

— Гарри пригласил меня сюда для помощи в каком-то деле. В каком — совершенно не представляю. О его смерти я узнал только здесь.

— Весьма прискорбно, — сказал Винклер.

— Само собой, при данных обстоятельствах мне интересны любые подробности. Дознание завершилось до моего приезда.

— То, что я могу сказать, вам уже известно. Его сбила машина. Когда я прибыл на место происшествия, он был уже мертв.

— Оставался ли он в сознании?

— Насколько мне известно, очень непродолжительное время, пока его вносили в дом.

— Он сильно мучился?

— Затрудняюсь ответить.

— Вы твердо уверены, что это несчастный случай? Протянув руку, Винклер поправил одно из распятий.

— Меня там не было. В своем заключении я ограничиваюсь указанием причины смерти. Надеюсь, вы удовлетворены?

У любителя есть еще одно преимущество перед профессионалом: он может быть несдержанным. Может позволить себе излишнюю откровенность и строить нелепые догадки. Мартинс сказал:

— Полиция намекает, что Гарри оказался замешан в крупной махинации. Мне кажется, он мог быть убит или даже покончить с собой.

— Подобные суждения вне моей компетенции, — ответил Винклер.

— Знаете вы человека по фамилии Кулер?

— Кажется, нет.

— Он был на месте происшествия.

— Тогда, разумеется, я его видел. Он носит парик?

— Это Курц.

Винклер оказался не только самым опрятным врачом, какого видел Мартинс, но и самым осторожным. Сдержанность его утверждений не позволяла усомниться в их искренности. Казалось, диагностируя заболевание скарлатиной, Винклер ограничился бы констатацией, что видна сыпь, а температура тела такая-то. На дознании он не мог бы запутаться.

— Долго вы были врачом Гарри? — Лайм предпочитал людей опрометчивых, способных совершать ошибки, и Мартинса удивляло, что свой выбор он остановил на Винк-лере.

— Около года.

— Спасибо, что приняли меня.

Доктор Винклер поклонился. При этом послышался хруст, словно рубашка его была целлулоидной.

— Не смею больше отрывать вас от пациентов. Поворачиваясь, Мартинс оказался лицом еще к одному распятию, руки распятого были над головой, вытянутое в духе Эль Греко лицо выражало страдание.

— Странное распятие, — заметил он.

— Янсенистское, — пояснил Винклер и тут же закрыл рот, словно сболтнул лишнее.

— Никогда не слышал этого слова. Почему руки у него над головой?

Доктор Винклер неохотно ответил:

— Потому что, на взгляд янсенистов, он принял смерть только ради избранных.

Как я теперь понимаю, просматривая свои досье, записи разговоров, показания разных людей, Ролло Мартинс тогда еще мог благополучно покинуть Вену. Он проявлял нездоровое любопытство, но эта его «болезнь» контролировалась на всех этапах, и никто ничего не выдал. Пальцы Мартинса пока не коснулись трещины в гладкой стене обмана. Когда Мартинс вышел от доктора Винклера, ему ничего не угрожало. Он мог отправиться в отель Захера и заснуть с чистой совестью. Мог бы даже без всяких осложнений нанести визит Кулеру. Никто не был серьезно встревожен. К своему несчастью, — у него будет время горько сожалеть об этом — Мартинс решил съездить туда, где жил Гарри. Ему вздумалось поговорить с маленьким раздраженным человеком, который сказал или дал понять, что был свидетелем того несчастного случая. На темной холодной улице у Мартинса возникла мысль отправиться прямо к Кулеру, завершить свою картину тех зловещных птиц, что сидели у тела Гарри, однако Ролло, будучи Ролло, решил подбросить монету, и ему выпал другой маршрут, что повлекло за собой смерть двух людей.

Может, тот маленький человек по фамилии Кох выпил лишку, может, хорошо провел день в конторе, но на сей раз, когда Мартинс позвонил в дверь, он оказался дружелюбным и разговорчивым. К тому же он только что пообедал, и на усах его виднелись крошки.

— А, я вас помню. Вы друг герра Лайма.

Кох пригласил Мартинса в квартиру и представил располневшей супруге, которая, видать по всему, боготворила своего мужа.

— Ах, в старое время я угостила бы вас кофе, но теперь...

Мартинс протянул им раскрытый портсигар, и атмосфера стала намного сердечнее.

— Вчера я был несколько резковат, — сказал Кох. — У меня слегка разыгралась мигрень.

Жена куда-то ушла, поэтому дверь пришлось открывать самому.

— Вы сказали, что видели, как произошел тот несчастный случай?

Кох переглянулся с женой.

— Дознание окончено, Ильза. Опасаться нечего. Я знаю, что говорю. Этот джентльмен — друг. Да, я видел, а вернее, слышал... Но никто, кроме вас, об этом не знает. Раздался визг тормозов, я подошел к окну и успел только увидеть, как тело вносили в дом.

— А показаний вы не давали?

— В такие дела лучше не вмешиваться. Отлучаться со службы мне нельзя: у нас не хватает сотрудников... И, собственно говоря, я не видел...

— Но вчера вы рассказывали, как все произошло.

— Так описывалось в газетах.

— Мучился он сильно?

— Герр Лайм был мертв. Я смотрел вот из этого окна и видел его лицо. Мне с первого взгляда всегда ясно, мертв человек или нет. Это в определенном смысле моя работа. Я служу управляющим в морге.

— Но другие говорят, что он скончался не сразу.

— Видимо, они не так знакомы со смертью, как я.

— Правда, когда прибыл врач, он был мертв. Я разговаривал с врачом.

— Герр Лайм скончался мгновенно. Можете поверить знающему человеку.

— Я думаю, герр Кох, вам следовало бы дать показания.

— Нужно помнить и о себе, герр Мартинс. Давать показаний не стал еще кое-кто.

— То есть как?

— Вашего друга вносили в дом трое.

— Я знаю — двое друзей и водитель.

— Водитель оставался в машине. Он был сам не свой, бедняга.

— Трое... — Казалось, что, водя пальцами по голой стене, Мартинс обнаружил пусть даже не трещину, но, по крайней мере, шероховатость, не сглаженную заботливыми строителями. — Вы можете описать их?

Но Кох не привык приглядываться к живым. Взгляд его привлек лишь человек в парике, остальные были просто обычные люди, не рослые, не низкие, не толстые, не тощие. Видел он их с большой высоты, склоненными над своей ношей: они не смотрели вверх, а он быстро отвернулся и закрыл окно, сразу поняв, что не стоит попадаться на глаза.

— Собственно говоря, герр Мартинс, показывать мне было нечего.

Нечего, думал Мартинс, нечего! Он уже не сомневался, что совершено убийство. Иначе зачем же скрывать время смерти? Два единственных друга Гарри в Вене хотели успокоить его денежными подачками и билетом на самолет. А третий? Кто он?

— Вы видели, как выходил герр Лайм?

— Нет.

— Слышали вскрик?

— Только визг тормозов, герр Мартинс.

Мартинс подумал, что ничем, кроме слов герра Коха не подтверждается, что Гарри был убит именно в тот миг. Медицинское свидетельство имелось, но время смерти в нем указывалось с точностью до получаса, и доверия оно внушало не больше, чем слова доктора Винклера: опрятного, сдержанного человека, хрустящего рубашкой среди распятий.

— Герр Мартинс, мне только что пришло в голову — вы остаетесь в Вене?

— Да.

— Если вам нужно пристанище, то договоритесь с властями и занимайте квартиру герра Лайма. Это реквизированная собственность.

— Ключи у кого?

— У меня.

Кох повел Мартинса в квартиру, принадлежавшую Лайму. В темном маленьком коридоре все еще пахло дымом турецких сигарет, которые всегда курил Гарри. Казалось странным, что этот запах держится в складках штор так долго после того, как сам человек стал мертвечиной, прахом, пищей для червей.

Гостиная выглядела нежилой. Мартинсу показалось, что даже слишком нежилой. Стулья стояли у стен, на столе, за которым Гарри, очевидно, писал, не было ни пыли, ни бумаг. Паркет блестел как зеркало. Кох отворил одну из дверей и показал спальню: кровать была аккуратно застелена свежим бельем. В ванной не было хотя бы даже использованного лезвия, говорящего о том, что несколько дней назад эту квартиру занимал живой человек.

— Видите, — сказал Кох, — квартира вполне подготовлена для нового жильца. Ильза все убрала.

Да, квартира была убрана на совесть. После умершего должен оставаться какой-то мусор. Человек не может внезапно отправиться в самое долгое из путешествий, не оставив неоплаченного счета, неотправленного письма или фотографии девушки.

— Здесь не валялось никаких бумаг?

— Герр Лайм всегда был очень аккуратен. Бумаги лежали в корзине и в портфеле, но их унес его друг.

— Друг?

— Джентльмен в парике.

Конечно, Лайм мог отправиться в это путешествие не столь уж внезапно, и у Мартинса мелькнула мысль, что, может быть, Гарри ждал от него помощи.

— Я думаю, мой друг был убит.

— Убит? — Сердечность Коха была уничтожена этим словом. — Я бы не пригласил вас сюда, если бы мог подумать, что вы скажете такую нелепость.

— Тем не менее ваши показания могут оказаться очень ценными.

— Мне нечего показывать. Я ничего не видел. Это не моя забота. Прошу вас немедленно уйти. Ваше предположение совершенно необдуманно.

Он вытеснил Мартинса в коридор; запах табачного дыма стал уже немного слабее. Последними словами Коха перед тем, как захлопнуть свою дверь, были: «Это не моя забота». Бедняга Кох! Мы не выбираем себе забот.

Впоследствии, подробно расспрашивая Мартинса, я спросил:

— Видели вы хоть кого-нибудь на лестнице или на улице возле дома?

— Никого. — Мартинсу было бы очень на руку вспомнить случайного прохожего, и я поверил ему.

Он сказал:

— Помню, меня удивило, какой глухой, вымершей казалась вся улица. Часть домов, как вы знаете, разрушена бомбежкой, и луна освещала снежные заносы. Было очень тихо. Я слышал каждый скрип своих шагов на снегу.

— Это еще ничего не доказывает. Там есть подвал, где мог спрятаться тот, кто следил за вами.

— Да.

— Или весь ваш рассказ — сплошная ложь.

— Да.

— Главное, я не вижу у вас мотивов для вранья. Правда, вы виновны в том, что получали деньги обманным путем. И приехали к Лайму, возможно, чтобы помочь ему...

— Что это за преступление, на которое вы постоянно намекаете? — спросил Мартинс.

— Я рассказал бы вам все при первой встрече, не выйди вы так быстро из себя. Теперь же считаю неразумным поступать так. Это будет разглашением служебных сведений, ведь ваши знакомые, знаете ли, доверяя не внушают. Женщина с фальшивыми документами, полученными от Лайма, это Курц...

— Доктор Винклер...

— У меня нет никаких улик против Винклера. И если вы обманщик, то сами все знаете о делах Лайма, но хотите выведать, что известно нам. Видите ли, мы собрали не все факты...

— Еще бы. Я мог бы, лежа в ванной, выдумать лучший детектив, чем вы.

— Ваш литературный стиль компрометирует вашего однофамильца.

При напоминании о бедняге Крэббине, замотанном представителе Британского общества культурных связей, Ролло Мартинс покраснел от раздражения, стыда и неловкости. Это тоже расположило меня к нему.

Мартинс действительно задал Крэббину несколько хлопотных часов. Возвратясь после разговора с Кохом в отель Захера, он обнаружил отчаянную записку.

«Я весь день пытался отыскать вас, — писал Крэббин. — Нам необходимо встретиться и разработать программу! Сегодня утром я договорился по телефону о лекциях в Инсбруке и Зальцбурге на будущей неделе, но требуется ваше согласие на темы лекций, чтобы программы можно было отпечатать. Я предлагаю две: „Кризис веры в западном мире“ (вас здесь очень ценят как христианского писателя, но касаться политики в лекции не стоит) и „Техника современного романа“. Те же самые лекции будут прочитаны в Вене. Кроме того, очень многие

желают познакомиться с вами, и я хочу в начале будущей недели устроить вечеринку с коктейлями. Но для всего этого нам нужно будет поговорить». Кончалось письмо на тревожной ноте: «Вы будете завтра вечером на дискуссии, не так ли? Мы ждем вас в 8.30 и, конечно же, с нетерпением. Я пришлю машину к отелю ровно в 8.15».

Ролло Мартинс прочел записку и лег спать.

После двух стаканов виски Ролло Мартинса неизменно тянуло к женщинам — это было смутное, сентиментальное, романтическое влечение к прекрасному полу вообще. После трех он, словно летчик, пикирующий на цель, обращал свои помыслы к одной достигаемой женщине. Если бы Кулер не предложил ему третьего стакана, он, возможно, не отправился бы так быстро к дому Анны Шмидт, и если... Я так злоупотребляю этим словом, потому что по роду занятий мне приходится обдумывать вероятность тех или иных поступков, а превратностям судьбы не находится места в моей картотеке.

Ролло Мартинс в обеденное время читал материалы дознания, это лишний раз подчеркнуло преимущества любителя перед профессионалом и сделало его более податливым на воздействие виски (от которого профессионал при исполнении обязанностей отказался бы). Около пяти часов он явился к Кулеру на квартиру, расположенную в американской зоне над кафе-мороженым: бар на первом этаже был полон солдат с девицами; стук десертных ложечек и бесцеремонный солдатский смех сопровождали Мартинса вверх по лестнице.

Англичанин, недолюбливающий американцев в целом, обычно представляет себе лишь исключение в людях наподобие Кулера: взъерошенного седого человека с озабоченным добрым лицом и вдумчивым взглядом; гуманиста того пошиба, что внезапно появляется во время эпидемии тифа, или на мировой войне, или в голодающем Китае задолго до того, как его соотечественники найдут это место в атласе. Карточка со словами «друг Гарри» опять сыграла роль входного билета, и в ответ — теплое, искреннее рукопожатие Кулера.

— Друг моего друга — мой друг, — сказал Кулер. — Фамилия ваша мне, конечно же, известна.

— От Гарри?

— Я большой любитель вестернов, — ответил Кулер, и Мартинс поверил ему, как не поверил Курцу.

— Мне хотелось бы услышать от вас — вы ведь были на месте происшествия, — как он погиб.

— Ужасная история, — сказал Кулер. — Я стал переходить к нему на другую сторону улицы. Они с Курцем стояли на тротуаре. Может, если бы я не пошел через дорогу, Гарри остался на месте. Но он увидел меня и направился навстречу, а тут «джип» — это было ужасно, ужасно! Водитель затормозил, но тщетно. Выпейте шотландского, мистер Мартинс. Глупо, конечно, но при этом воспоминании меня всего трясет. — Добавляя в стаканы содовую, он сказал: — До этого я ни разу не видел, как гибнут люди.

— А кто еще находился в это время вместе с вами? — перебил его Мартинс.

Кулер отпил большой глоток и смерил оставшееся в стакане добрым, усталым взглядом.

— Кого вы имеете в виду, мистер Мартинс?

— Мне сказали, что там был еще один человек.

— Не знаю, кто мог вам это сказать. Все подробности можно найти в материалах дознания. — Он налил в оба стакана щедрые порции виски. — Нас было там только трое — я, Курц и водитель. Да еще, конечно же, врач. Наверное, вы имеете в виду врача?

— Человек, с которым я разговаривал, оказывается, глядел в окно — он живет рядом с квартирой Гарри — и говорит, что там было три человека и водитель. Врач появился уже потом.

— Он не показывал этого на суде.

— Не хотел впутываться.

— Этих европейцев никогда не научишь быть хорошими гражданами. Дать показания было

его долгом. — Купер задумался, хмуро уставясь в свой стакан. — Как ни странно, мистер Мартинс, два свидетельства о несчастном случае никогда полностью не совпадают. Да что там, даже мы с Курцем разошлись в некоторых деталях. Такие вещи происходят внезапно, до катастрофы никому в голову не приходит схватывать подробности, а потом приходится все вспоминать, восстанавливать. Наверно, этот человек слишком уж старался припомнить, что было до, что после, и перепутал нас четверых.

— Четверых?

— Я считаю и Гарри. Что он еще видел, мистер Мартинс?

— Ничего особенного — только утверждает, что Гарри был мертв, когда его вносили в дом.

— Умирал — разница не столь уж существенная. Выпьете еще, мистер Мартинс?

— Нет, пожалуй, довольно.

— Ну а мне еще глоток будет кстати. Я очень любил вашего друга, и рассказывать об этом тяжело.

— Давайте, я выпью тоже — за компанию, — сказал Мартинс. И пока виски еще пощипывало язык, спросил:

— Знаете вы Анну Шмидт?

— Подружку Гарри? Встречался один раз, и все. Честно говоря, он выправил ей документы с моей помощью. Постороннему я бы в этом не признался, но иногда приходится нарушать правила. Гуманность — это тоже долг.

— Что у нее приключилось?

— Говорят, она венгерка, дочь нациста. Опасалась, что русские ее арестуют.

— Русские? С какой стати?

— Документы у нее были не в порядке.

— Вы передали ей какие-то деньги от Гарри, не так ли?

— Да, но говорить об этом я бы не хотел. Это она вам сказала о деньгах?

Зазвонил телефон, и Кулер допил свое виски.

— Алло, — сказал он. — Да, да. Это я. — Потом, держа трубку возле уха, с безрадостной, терпеливой миной слушал чей-то голос издалека.

— Да, — однажды произнес он. — Да.

Взгляд его был обращен на лицо Мартинса, но казалось, он смотрит куда-то вдаль; блеклые, усталые добрые глаза глядели словно откуда-то из-за моря.

— Правильно сделали, — сказал он одобрительным тоном, а потом чуть раздражительно — Конечно, их доставят. Даю вам слово. До свидания.

Положив трубку, устало провел рукой по лбу, словно вспоминая, что нужно сделать. Мартинс спросил:

— Слышали вы что-нибудь про махинацию, о которой говорит полиция?

— Прошу прощения. Вы о чем?

— Говорят, Гарри был замешан в какой-то грязной махинации.

— Нет, — сказал Кулер. — Это немислимо. У Гарри было высоко развито чувство долга.

— Курц, похоже, думает, что мыслимо.

— Курцу не понять англосакса, — ответил Кулер.

Было уже почти темно, когда Мартинс шел вдоль канала: на другом берегу виднелись полуразрушенные купальни Дианы, а вдали над развалинами, в парке Пратер, неподвижно чернело большое колесо обозрения. За серой водой находилась вторая, советская зона. Собор святого Стефана вздымал над Старым городом свой громадный поврежденный шпиль. Проходя по Кертнерштрассе, Мартинс миновал освещенную дверь здания военной комендатуры. Четверо солдат международного патруля усаживались в «джип», русский сел рядом с водителем, потому что его стране предстояло «председательствовать» до конца месяца, англичанин, американец и француз — сзади. Третий стакан неразбавленного виски кружил Мартинсу голову, и он вспомнил женщину из Амстердама, женщину из Парижа: одиночество шло рядом с ним по людному тротуару. Миновав улицу, на которой находился отель Захера, он пошел дальше. Ролло возобладал над Мартинсом и направлялся к единственной женщине, которую знал в Вене.

Я спросил, как ему удалось найти Анну.

— А, — ответил он, — перед сном я изучал карту и отыскал тот дом по взятому накануне адресу.

Свои городские маршруты Ролло изучал по картам, названия улиц и перекрестки запоминались ему легко, потому, что в одну сторону он всегда ходил пешком.

— В одну сторону?

— К женщине — или к другу.

Ролло, конечно, не знал, что застанет Анну, что она не занята в вечернем спектакле, или, может, ему запомнилось и это — из афиш. Так или иначе, она была дома, сидела в нетопленной комнате, кровать была сложена как диван, на шатком экстравагантном столике лежала отпечатанная на машинке роль, открытая на первой странице, потому что мысли Анны блуждали далеко от «дома». Он робко сказал ей (и ни Мартинс, ни даже Ролло не могли бы сказать, насколько робость была наигранной):

— Решил зайти, проведать вас. Видите ли, я шел мимо...

— Мимо? Куда?

От Старого города до границы английской зоны добрых полчаса ходьбы, но у Ролло всегда бывал заготовлен ответ:

— Мы с Кулером выпили слишком много виски. Мне нужно было пройтись, и я случайно оказался здесь.

— Спиртного у меня нет. Могу предложить чай.

— Нет, нет, спасибо. Вы заняты, — сказал он, глядя на роль.

— Дальше первой реплики у меня дело не пошло.

Взяв роль, он прочел: «Луиза (входит). Я слышала детский плач».

— Можно посижу у вас немного? — спросил он с любезностью, идущей скорее от Мартинса, чем от Ролло.

— Буду рада.

Он грузно опустился на диван и, как потом рассказал мне (потому что влюбленные, если удается найти слушателя, рассказывают все до последней мелочи), что только тут толком разглядел Анну. Она стояла, чувствуя себя почти так же неловко, как он, в старых фланелевых брюках, плохо заштопанных сзади: стояла твердо, широко расставив ноги, словно противостояла кому-то и твердо решила не сдавать позиций — невысокая, несколько приземистая, будто припрятала свое изящество для профессионального применения.

— Скверный выдался день? — спросил он.

— Сейчас все дни скверные, — ответила она. И пояснила — Гарри часто приходил ко мне, и при вашем звонке у меня мелькнула мысль...

Потом села на жесткий стул напротив Мартинса и сказала:

— Не молчите, пожалуйста. Вы знали его. Расскажите что-нибудь.

И он стал рассказывать. Тем временем за окном потемнело. Некоторое время спустя он заметил, что их руки соприкасаются. Мне он сказал:

— Я вовсе не собирался влюбляться в подружку Гарри.

— Как же это произошло? — спросил я.

— Было очень холодно, и я встал задернуть шторы. Что моя рука лежала на руке Анны, я заметил только, когда снимал ее. Встав, я поглядел сверху вниз на Анну, а она снизу вверх на меня. Лицо ее не было красивым — вот в чем дело. Обыденное, будничное лицо. Я всегда считал, что в женщинах любят красоту. У меня возникло такое чувство, будто я оказался в незнакомой стране, языка которой не знаю. Стоя у окна, я не спешил задергивать шторы. Мне было видно только свое отражение, глядящее на Анну. Она спросила: «А что тогда сделал Гарри?», и у меня чуть не сорвалось: «К черту Гарри. Его больше нет. Мы оба любили его, но он мертв. Мертвых нужно забывать». Вместо этого я ответил: «Как бы вы думали? Просто насвистывал свою старую мелодию как ни в чем не бывало» — и насвистал ее, как только сумел. Я услышал, что Анна затаила дыхание, обернулся и, не успев подумать, верный ли это ход, та ли эта карта, сказал:

— Он мертв. Нельзя же вечно хранить о нем память. Анна ответила:

— Да, но прежде, чем я забуду его, многое может произойти.

— Что вы имеете в виду?

— Может, начну другую жизнь, может, умру, мало ли что.

— Со временем забудете. И влюбитесь снова.

— Знаю, но мне этого не хочется. Неужели не понятно? Тут Ролло Мартинс отошел от окна и снова сел на диван. Полминуты назад оттуда вставал друг Гарри, утешавший его подружку, теперь же это был мужчина, влюбленный в Анну Шмидт, которая любила его покойного приятеля Гарри Лайма. В тот вечер Мартинс больше не вспоминал о прошлом, а стал рассказывать, с кем повидался в Вене.

— Про Винклера я поверю чему угодно, — сказал он, — но Кулер мне понравился. Из всех друзей только он вступился за Гарри. Однако если Кулер прав, то Кох ошибается. А я был так уверен, что напал на след..

— Кто такой Кох?

Мартинс рассказал Анне о своем посещении Герра Коха и передал разговор о третьем.

— Это очень важно, — сказала она, — если только все правда.

— Из этого ничего не следует. Кох ведь уклонился от дознания, неизвестный тоже мог так поступить.

— Я не о том, — сказала Анна. — Выходит, они лгали. Курц и Кулер.

— Может, не хотели подводить человека, если то был друг.

— Еще один друг — на месте катастрофы? Где тогда честность вашего Кулера?

— Как же нам быть? Кох отказался продолжать разговор и выставил меня из квартиры.

— Меня не выставят, — сказала она, — ни Кох, ни его Ильза.

Путь к дому оказался долгим: снег прилипал к подошвам, и они шли медленно, словно каторжники в кандалах. Анна спросила:

— Еще далеко?

— Не очень. Видите толпу? Примерно там.

Толпа казалась кляксой на белом фоне, она текла, меняла очертания, расплывалась. Когда

они подошли поближе, Мартинс сказал:

— Кажется, это тот самый дом. А что там, политическая демонстрация?

Анна Шмидт остановилась.

— Кому вы говорили о Кохе?

— Только вам и Кулеру. А что?

— Мне страшно. Вспоминается... — Анна неотрывно смотрела на толпу, так и не сказав

Мартинсу, что из ее сложного прошлого всплыло у нее в памяти.

— Уйдемте, — взмолилась она.

— Ну что вы, мы ведь пришли по делу, немаловажному.

— Узнайте сперва, чего все эти люди... — И сказала странные для актрисы слова: —

Ненавижу толпу.

Мартинс неторопливо пошел по липкому снегу один. Там был не политический митинг, потому что никто не произносил речей. Мартинсу показалось, что люди оборачиваются и смотрят на него так, словно он был тем, кого они ждали. Подойдя к толпе, он убедился, что дом тот самый. Какой-то человек сурово глянул на него и спросил:

— Тоже из этих?

— Кого вы имеете в виду?

— Полицейских.

— Нет. Что они здесь делают?

— Шастают весь день туда-сюда.

— А чего все ожидают?

— Хотят посмотреть, как его увезут.

— Кого?

— Герра Коха.

У Мартинса промелькнула мысль, что раскрылось умышленное уклонение от дачи показаний, хотя вряд ли это могло служить причиной ареста. Он спросил:

— А что случилось?

— Пока никто не знает. Полицейские никак не решат, то ли самоубийство, то ли убийство.

— Герра Коха?

— Ну да.

К собеседнику Мартинса подошел ребенок и подергал за руку.

— Папа, папа. — В шерстяном колпаке мальчик походил на гнома, лицо его заострилось и посинело от холода.

— Да, мой милый, в чем дело?

— Через решетку я слышал, как они говорят, папа.

— О, хитрый малыш. Что же ты слышал, Гензель?

— Как плачет фрау Кох, папа.

— И все, Гензель?

— Нет, еще слышал, как говорил большой дядя.

— Ну и хитрец ты, маленький Гензель. Расскажи папе, что он говорил.

— Он сказал: «Вы не сможете описать этого иностранца, фрау Кох?»

— Вот, вот, видите, они думают, что это убийство. Да и как же иначе? С какой стати герру Коху резать себе горло в подвале?

— Папа, папа.

— Да, Гензель?

— Я глянул в подвал сквозь решетку и увидел на куче кокса кровь.

— Ну и ребенок! С чего ты взял, что там кровь? Это талая вода, она всюду подтекает. —

Мужчина повернулся к Мартинсу. — У ребенка такое живое воображение. Может, станет писателем, когда вырастет.

Ребенок угрюмо поднял заостренное личико на Мартинса.

— Папа, — сказал он.

— Да, Гензель?

— Это тоже иностранец.

Мужчина громко засмеялся, кое-кто из толпы обернулся к нему.

— Послушайте его, послушайте, — гордо сказал он. — Малыш считает вас убийцей, потому что вы иностранец. Да, сейчас иностранцев здесь больше, чем венцев.

— Папа, папа.

— Что, Гензель?

— Они выходят.

Группа полицейских окружила прикрытые носилки, которые осторожно, чтобы не поскользнуться на обледенелых ступеньках, несли вниз. Мужчина сказал:

— Из-за развалин санитарной машине сюда не подъехать. Придется нести за угол.

Фрау Кох в холщовом пальто, с шалью на голове вышла последней. На краю тротуара она упала в сугроб. Кто-то помог ей подняться, и она сиротливым, безнадежным взором обвела толпу зевак. Если там и были знакомые, то, скользя взглядом по лицам, она не узнавала их. При ее приближении Мартинс нагнулся и стал возиться со шнурками ботинок, а когда взглянул вверх, увидел прямо перед собой недоверчивые, безжалостные глаза гнома — маленького Гензеля.

Возвращаясь к Анне, Мартинс оглянулся. Ребенок дергал отца за руку, и было видно, как он шевелит губами, словно твердя рефрен мрачной баллады: «Папа, папа».

— Кох убит, — сказал Мартинс Анне. — Пошли отсюда. Шли они быстро, как только позволял снег, срезая где можно углы. Настороженность и подозрительность ребенка, казалось, расплывалась над городом, как туча, — они не успевали вырваться из-под ее тени. Анна сказала:

— Значит, Кох говорил правду. Там был кто-то третий, — и чуть погодя: — Выходит, им нужно скрыть убийство. Из-за пустяков не стали бы убивать человека, — но Мартинс пропустил ее слова мимо ушей.

В конце улицы промелькнул обледенелый трамвай: Мартинс и Анна вышли опять к Рингу. Мартинс сказал:

— Возвращайтесь-ка домой одна. Нам лучше не показываться вместе, пока все не прояснится.

— Но вас никто не может заподозрить.

— Там расспрашивают об иностранце, заходившем вчера к Коху. Могут возникнуть временные неприятности.

— Почему бы вам не обратиться в полицию?

— Я не доверяю этим ослам. Видите, что они приписали Гарри? Да я еще хотел ударить Каллагана. Этого мне не простят. В самом лучшем случае, вышлют из Вены. Но если буду вести себя тихо... выдать меня может лишь один человек. Кулер.

— Ему нет смысла выдавать вас.

— Если он причастен к убийству, конечно. Но в его причастность мне что-то не верится.

На прощанье Анна сказала:

— Будьте осторожны. Кох знал так мало, и его убили. А вы знаете все, что было известно ему.

Об этом предупреждении Мартинс помнил до самого отеля: после девяти часов улицы пустынные, и всякий раз, едва заслышав за спиной шаги, он оглядывался, и ему мерещилось, что

третий, которого так тщательно оберегали, крадется за ним, будто палач. Русский часовой у «Гранд-отеля», казалось, совсем окоченел, но это был человек, у него было лицо, честное крестьянское лицо. Третий не имел лица: лишь макушку, увиденную из окна. В отеле администратор сказал:

— Сэр, приходил полковник Каллоуэй и спрашивал вас. Очевидно, вы найдете его в баре.

— Минуточку, — бросил Мартинс и пошел к выходу: ему нужно было подумать. Но едва он шагнул за дверь, к нему подошел солдат, козырнул и твердо сказал:

— Прошу вас, сэр.

Распахнув дверцу окрашенного в защитный цвет грузовика с английским флажком на ветровом стекле, он твердой рукой посадил Мартинса. Мартинс молча покорился; ему было ясно, что рано или поздно допроса не миновать; перед Анной Шмид он просто разыгрывал бодрячку.

Водитель, не считаясь с опасностью, гнал грузовик по скользкой дороге, и Мартинс запротестовал. В ответ он услышал недовольное ворчание и неразборчивую фразу, в которой прозвучало слово «приказ».

— Вам что же, приказано угробить меня? — спросил Мартинс, но ответа не получил. Машина стала петлять по темным улочкам, и он потерял ориентацию.

— Далеко еще?

Но водитель и ухом не повел. По крайней мере, подумал Мартинс, он не арестован: охраны нет, и его, вероятно, пригласили — кажется, было употреблено это слово? — посетить управление полиции для дачи показаний.

Грузовик остановился у подъезда, водитель повел Мартинса за собой на второй этаж, нажал кнопку звонка у двери, за которой Мартинс услышал множество голосов. Он резко повернулся к водителю и спросил: «Куда это, черт возьми...», однако тот уже спускался по лестнице, а дверь открывалась. Свет изнутри ударил Мартинсу в глаза: он слышал голос, но едва различал приближающегося Крэббина.

— О, мистер Декстер, мы так волновались, но лучше поздно, чем никогда. Позвольте представить вас мисс Уилбрехем и графине фон Мейерсдорф.

Буфет, уставленный кофейными чашками, окутанный паром кофейник, покрасневшее от возбуждения женское лицо, двое молодых людей с радостными смысленными лицами шестиклассников, а в глубине множество сгрудившихся, как на старых семейных фотографиях, тусклых, серьезных и веселых лиц постоянных читателей. Мартинс оглянулся, но дверь была уже закрыта. Он с отчаянием обратился к Крэббину:

— Прошу прощения, но...

— Забудьте об этом, — сказал Крэббин. — Чашечку кофе, и пойдемте на дискуссию. Вашей выдержке предстоит испытание, мистер Декстер...

Один из молодых людей сунул ему в руку чашку кофе, другой насыпал сахару, прежде чем Мартинс успел сказать, что предпочитает несладкий кофе, а затем прошептал на ухо: «Не надпишете ли потом одну из ваших книг, мистер Декстер?» Крупная женщина в черном шелковом платье обрушилась на него: «Пусть графиня и слышит меня, но я все равно скажу: книги ваши, мистер Декстер, мне не нравятся, я от них не в восторге. По-моему, в романе должна рассказываться интересная история».

— По-моему, тоже, — обреченно согласился Мартинс.

— Оставьте, миссис Вэннок, для вопросов еще будет время, — вмешался Крэббин.

— Я, конечно, прямолинейна, однако не сомневаюсь, что мистер Декстер оценит честную критику.

Пожилая дама, очевидно, та самая графиня, сказала:

— Я читаю не так уж много английских книг, мистер Декстер, но мне сказали, что ваши...

— Допивайте кофе, прошу вас, — поторопил Крэббин и повел Мартинса сквозь толпу во внутреннюю комнату, где пожилые люди с понурым видом сидели на расставленных полукругом стульях.

Рассказать мне толком об этом собрании Мартинс не мог: из головы его не шла смерть Коха. Поднимая взгляд, он всякий раз готов был увидеть мальчика Гензеля и услышать назойливый, многозначительный рефрен: «Папа, папа». Первым взял слово, очевидно, Крэббин, и, зная его, не сомневаюсь, что он нарисовал очень ясную, верную и объективную картину современного английского романа.

Мартинс пропустил первый вопрос мимо ушей, но, к счастью, вмешался Крэббин. Потом женщина в горжетке и коричневой шляпке спросила со жгучим любопытством:

— Можно ли поинтересоваться у мистера Декстера, занят ли он новой работой?

— А, да... да.

— Можно ли осведомиться, как она озаглавлена?

— «Третий», — ответил Мартинс и, взяв этот барьер, обрел ложное чувство уверенности.

— Мистер Декстер, не могли бы вы сказать, кто из писателей оказал на вас наибольшее влияние?

— Грей, — не задумываясь, ляпнул Мартинс. Несомненно, он имел в виду автора «Всадников из Перпл-сейдж» и был доволен, что его ответ удовлетворил всех — за исключением пожилого австрийца, который спросил:

— Грей? Что за Грей? Эта фамилия мне неизвестна. Мартинс уже чувствовал себя в безопасности, поэтому ответил: «Зейн Грей — другого не знаю», и был озадачен негромким подобострастным смешком англичан. Крэббин торопливо вмешался ради австрийцев:

— Мистер Декстер шутит. Он имел в виду поэта Грея — благородного, скромного, тонкого гения. У них много общего.

— Разве его имя Зейн?

— Мистер Декстер пошутил. Зейн Грей писал так называемые вестерны — дешевые популярные романы о бандитах и ковбоях.

— Это не великий писатель?

— Нет, нет, отнюдь, — ответил Крэббин. — Я вообще не назвал бы его писателем в строгом смысле слова.

Мартинс рассказывал мне, что при этом заявлении в нем разыграл дух противоречия. Писателем он себя никогда не мнил, но самоуверенность Крэббина раздражала его — даже блеск очков казался самоуверенным и усиливал раздражение. А Крэббин продолжал:

— Это просто популярный развлекатель.

— Ну и что, черт возьми? — запальчиво возразил Мартинс.

— Видите ли, я просто хотел сказать...

— А Шекспир был кем? Кто-то отчаянно смелый ответил:

— Поэтом.

— Вы читали когда-нибудь Зейна Грея?

— Нет, не могу сказать...

— Значит, тогда сами не знаете, о чем говорите.

Один из молодых людей поспешил на выручку Крэббину.

— А Джеймс Джойс? Куда вы поставите Джойса, мистер Декстер?

— Как это — поставлю? Я не собираюсь никого никуда ставить, — ответил Мартинс. У него был очень насыщенный день: он слишком много выпил с Кулером, потом влюбился,

наконец, узнал об убийстве, а теперь совершенно несправедливо заподозрил, что над ним подшучивают. Зейн Грей был одним из его кумиров, и он не собирается, черт возьми, терпеть всякий вздор.

— Я хочу спросить, относите ли вы Джойса к числу поистине великих?

— Если хотите знать, я даже не слышал о нем. Что он написал?

Сам того не сознавая, Мартинс производил огромное впечатление, ведь только истинно великий писатель может так надменно вести столь оригинальную линию. Несколько человек записало фамилию «Грей» на внутренней стороне суперобложек, и графиня хриплым шепотом спросила Крэббина:

— Как пишется по-английски «Зейн»?

— Честно говоря, не знаю.

В Мартинса тут же было пущено несколько имен — маленьких, остроконечных, вроде Стайн, и округлых — наподобие Вулф. Молодой австриец со жгучим, черным, интеллигентным локоном на лбу выкрикнул: «Дафна дю Морье». Крэббин захлопал глазами, покосился на Мартинса и сказал вполголоса:

— Будьте с ним повежливее.

Женщина с добрым, мягким лицом, в джемпере ручной вязки томно спросила:

— Согласны ли вы, мистер Декстер, что никто-никто не писал о чувствах так поэтично, как Вирджиния Вулф? Я имею в виду — в прозе.

— Можете сказать что-нибудь о потоке сознания, — прошептал ему Крэббин.

— Потоке чего?

В голосе Крэббина появилась умоляющая нотка:

— Прошу вас, мистер Декстер, эти люди — ваши искренние почитатели. Им хочется узнать о ваших взглядах. Если бы вы знали, как они осаждали Общество.

Мартинс уныло сел, и перед его взором снова возникли снег, носилки, отчаянное лицо фрау Кох. У него мелькнула мысль: «Если б я не возвращался, не задавал вопросов, был бы сейчас жив этот маленький человек? Ведь появилась новая жертва, чтобы унять чей-то страх то ли Курца, то ли Кулера (Мартинс не мог в это поверить), то ли доктора Винклера». Казалось, что никто из них не способен совершить то злодейское преступление в подвале, но в его ушах звучал голос ребенка: «Я увидел на коксе кровь», и вдруг кто-то обратил к нему пустое, словно серое пластилиновое яйцо, лицо третьего.

Мартинс не мог рассказать, как дотянул до конца дискуссии: возможно, Крэббин принял удар на себя, возможно, ему помог кто-то из присутствующих, заведя оживленный разговор об экранизации популярного американского романа. Он почти ничего не запомнил и очнулся лишь тогда, когда Крэббин произнес заключительное слово в его честь. Потом один из молодых людей подвел Мартинса к столу, заваленному книгами, и попросил надписать их.

— Что я должен сделать?

— Просто поставить автограф. Только этого все и ждут. Вот мой экземпляр «Выгнутого челна». Буду очень признателен, если черкнете от себя несколько слов...

Мартинс достал ручку и написал: «От Б. Декстера, автора „Одинокого всадника из Санта-Фе“». Молодой человек прочел надпись и с недоуменным выражением лица промакнул ее. Начав подписывать титульные листы книг, Мартинс увидел в зеркале, что молодой человек показывает надпись Крэббину. Тот слабо улыбнулся и подергал подбородок вверх-вниз. «Б. Декстер», «Б. Декстер», «Б. Декстер», — Мартинс писал быстро, ведь в конце концов это не было ложью. Владельцы один за другим разбирали свои книги: краткие бессвязные выражения восторга и комплименты звучали подобострастно — неужели это и означает быть писателем? Бенджамин Декстер стал вызывать у Мартинса нарастающее раздражение. «Самодовольный,

занудный, напыщенный осёл», — подумал он, подписывая двадцать седьмой экземпляр.

Всякий раз, поднимая взгляд и беря очередную книгу, он видел обеспокоенный, задумчивый взгляд Крэббина.

Неожиданно Мартинс увидел в зеркале человека в форме военной полиции. Он спорил с одним из юных прихвостней Крэббина. До ушей Мартинса донеслась его фамилия. Тут он потерял самообладание, а с ним и последние остатки здравого смысла. Оставалось подписать только одну книгу, он черкнул последнее «Б. Декстер» и направился к выходу. Молодой человек, Крэббин и полицейский стояли у двери.

— А этот джентльмен? — поинтересовался полицейский.

— Это мистер Бенджамин Декстер, — ответил молодой человек.

— Туалет? Есть здесь туалет? — спросил Мартинс.

— Насколько я понял, некий мистер Ролло Мартинс приехал сюда на одной из ваших машин, — отметил полицейский.

— Ошибка. Явная ошибка.

— Вторая дверь налево, — подсказал Мартинсу молодой человек.

Проходя мимо раздевалки, Мартинс схватил свое пальто и торопливо стал спускаться по лестнице. На площадке второго этажа он услышал, как кто-то поднимается навстречу, и, глянув вниз, увидел Пейна — я послал его опознать Мартинса. Мартинс юркнул в первую попавшуюся дверь и закрыл ее за собой. Он слышал, как Пейн прошел мимо.

В комнате было темно. И вдруг за спиной раздался странный жалобный звук, который заставил его обернуться. Мартинс ничего не мог разглядеть. Когда звук оборвался, Мартинс пошевелился, и нечто похожее на затрудненное дыхание тут же послышалось снова. Снаружи кто-то позвал: «Мистер Декстер! Мистер Декстер!» Потом Мартинсу показалось, будто кто-то шепчет в темноте длинный, нескончаемый монолог. Он спросил: «Есть здесь кто-нибудь?» — и тут же наступила тишина. Выносить этого Мартинс больше не мог. Он достал зажигалку. Какой-то человек прошел мимо двери и стал спускаться по лестнице. Мартинс щелкал и щелкал зажигалкой, но она не вспыхивала. Кто-то шевельнулся во тьме, и что-то лязгнуло, будто цепочка. Мартинс еще раз спросил с гневом и страхом: «Есть здесь кто-нибудь?», но в ответ услышал лишь лязг металла.

Мартинс в отчаянии стал ощупью искать выключатель сначала справа, потом слева. Сойти с места он не осмеливался, потому что не мог определить, где находится кто-то другой: шепот, стон, лязганье прекратились. Потом в страхе, что не найдет двери, лихорадочно стал нащупывать ручку. Полиции он боялся гораздо меньше, чем темноты.

Пейн услышал его от подножия лестницы и вернулся. Он включил свет на лестничной площадке, и светлая полоска под дверью указала Мартинсу направление. Мартинс открыл дверь, слабо улыбнулся Пейну и повернулся, чтобы осмотреть комнату. На него глянули похожие на бусинки глаза попугая, прикованного цепочкой к своей жердочке. Пейн почтительно сказал:

— Мы приехали за вами, сэр. Полковник Каллоуэй хочет вас видеть.

— Я заблудился, — промямлил Мартинс.

— Да, сэр. Мы так и решили.

Узнав, что Мартинс не улетел в Англию, я установил за ним пристальное наблюдение. Его видели с Курцем и в театре «Йозефшадт», я знал о его визитах к Винклеру и Кулеру, о первом возвращении в дом, где проживал Лайм. Мой человек потерял его из виду по пути от Кулера к Анне Шмидт. Он доложил мне, что Мартинс много плутал, и нам обоим этот отрыв от «хвоста» представился неслучайным. Я поехал к нему в отель Захера и упустил из-под носа.

Дела принимали неприятный оборот, поэтому я решил, что настало время для новой беседы. Мартинсу следовало многое объяснить.

Мы с ним сели по разные стороны стола, и я предложил ему сигарету. Мартинс выглядел замкнутым, но готовым к откровенности в известных пределах. На вопрос о Курце он, как мне показалось, и ответил не таясь. Потом я спросил его об Анне Шмидт и выяснил, что он был у нее после визита к Кулеру, — это заполнило один из пробелов. О докторе Винклере он рассказал довольно охотно.

— Где вас только не носило, — заметил я. — А о своем друге что-нибудь выяснили?

— Да, — ответил Мартинс. — Вы не заметили того, что было у вас под носом.

— Чего же?

— Он был убит.

Это удивило меня: я носился было с версией самоубийства, но отверг ее напрочь.

— Продолжайте.

Мартинс старался не упоминать Коха и говорил о некоем очевидце несчастного случая. Рассказ из-за этого получился путанным, и я сперва не мог понять, почему Мартинс придает такое значение третьему.

— Да ведь он уклонился от дознания, а другие лгали, чтобы выгородить его.

— Ваш очевидец тоже уклонился — не вижу в этом ничего особенного. Если то был действительно несчастный случай, все необходимые сведения о нем мы получили. Зачем же причинять неприятности еще одному человеку? Возможно, жена считала, что его нет в городе; может, он находится в самовольной отлучке — иногда люди совершают запрещенные поездки в Вену из мест вроде Клаген-фурта. Соблазны большого города, чего бы они ни стоили...

— Это не все. Маленького человечка, который сказал мне о третьем, убили. Очевидно, он мог заметить еще что-то.

— Теперь ясно, о ком речь, — сказал я. — О Кохе.

— Да.

— Насколько нам известно, вы последний видели его живым.

Тут я учинил ему описанный выше допрос, выясняя, не следил ли за ним по пути к Коху кто-то более ловкий, чем мой человек.

— Австрийская полиция хочет навесить это убийство на вас, — поставил я в известность Мартинса. — Фрау Кох показала, что ее муж был очень взволнован вашим визитом. Кто еще знал о нем?

— Я рассказывал Кулеру, — ответил он. — Видимо, едва я ушел, он позвонил кому-то... может быть, третьему. Им нужно было заткнуть Коху рот.

— Когда вы разговаривали с Кулером, Кох был уже мертв. В тот вечер, услышав чей-то голос, он встал с постели, спустился...

— Что ж, это снимает с меня подозрения. Я был в отеле Захера.

— Лег он очень рано — после вашего ухода у него снова разыгралась мигрень. Поднялся вскоре после девяти. Вы вернулись в отель в половине десятого. Где были до тех пор?

— Бродил по городу, пытался разобраться во всем, — угрюмо ответил Мартинс.

— Можете чем-нибудь это подтвердить?

— Нет.

Мне хотелось припугнуть его, поэтому говорить, что за ним все время следили, не имело смысла. Я знал, что горло Коху перерезал не Мартинс, однако сомневался, что он так уж невиновен, как старается показать. Не всегда настоящий убийца тот, кто пускает в ход нож.

— Можно взять сигарету?

— Возьмите.

— Откуда вы знаете, что я был у Коха? — спросил он. — Потому и привезли меня сюда?

— Австрийская полиция...

— Опознания она не проводила.

— Едва вы ушли, Кулер позвонил мне.

— В таком случае, он не причастен. Иначе не стал бы сообщать вам о моем визите к нему... то есть к Коху.

— Кулер мог предположить, что вы человек разумный и, узнав о смерти Коха, сразу пойдете в полицию. Кстати, как вы узнали об убийстве?

Мартинс с готовностью рассказал, и я поверил. После этого я стал доверять ему полностью.

— Все-таки мне кажется, Кулер здесь ни при чем, — сказал он. — Готов чем угодно ручаться за его честность. Этот американец обладает истинным чувством долга.

— Да, он говорил об этом чувстве по телефону. Извинялся за него. Сказал, что быть воспитанным в духе гражданственности — несчастье. Что чувствует себя из-за этого педантом. Честно говоря, Кулер мне противен. Разумеется, ему невдомек, что я знаю о его делах с автопокрышками.

— Значит, он тоже занимался спекуляцией?

— Не особенно серьезной. Думаю, прикарманил тысяч двадцать пять долларов. Но я не добропорядочный гражданин. Пусть американцы сами смотрят за своими людьми.

— Черт возьми!

Потом Мартинс осторожно спросил:

— Гарри тоже участвовали чем-то подобном?

— Нет. Дела Гарри были не столь безобидны.

— Знаете, — сказал Мартинс, — я еще не пришел в себя после этой истории — убийства Коха. Возможно, Гарри впутался во что-то очень скверное. Потом решил выйти из игры, и его убили.

— А возможно, — сказал я, — что все хотели большей доли в добыче. И воры перессорились.

На сей раз Мартинс ничуть не рассердился.

— Мы не сходимся в оценке мотивов, но вы, очевидно, тщательно проверили все факты. Прошу прощения за тогдашнее.

— Ничего.

Есть минуты, когда нужно принимать мгновенные решения. Я, был в долгу перед Мартинсом за его откровенность. И сказал:

— Ознакомьтесь с фактами из дела Лайма, тогда все поймете. Только не теряйте головы. Это вас потрясет.

Не потрясти это не могло. Война и мир (если его можно назвать миром) породили различного рода злоупотребления, однако Лайм затеял самое гнусное. Торговцы продуктами на черном рынке по крайней мере поставляли их, то же самое относилось и к сбывавшим товары втроедорога. Но пенициллиновое дело — особая статья. В Австрии это лекарство поступало

только в военные госпитали: законным путем его не могли получить ни один гражданский Врач, ни одна гражданская больница. Вначале пенициллин просто крали и продавали австрийским врачам по бешеным ценам — стоимость ампулы доходила до семидесяти фунтов. Можно сказать, что это была форма распределения — несправедливого, потому что она приносила пользу лишь богатым, хотя и обычное распределение вряд ли было бы справедливее.

Какое-то время все шло благополучно. Иногда кое-кто попадался и нес наказание, но опасность лишь повышала цену на пенициллин. Потом большие люди углядели здесь большие деньги, и теперь тот, кто крал, стал иметь меньше, но зато взамен получал определенную безопасность. В случае чего вора брали под крылышко. Человек подчас находит для себя эгоистические оправдания: совесть многих мелких людишек облегчает мысль, что работают они на хозяина. А вскоре они в собственных глазах становятся почти такими же достойными людьми, как и любой рабочий: каждый считает себя одним из многих, а вина если и существует, то падает на работодателя.

Это я назвал второй стадией. Третья стадия началась, когда барыши показались главарям слишком скромными. Такое положение с лекарством не вечно, и потому им хотелось загрести побольше и побыстрее, пока сбыт был успешным. Они стали добавлять в жидкий пенициллин подкрашенную водичку, а в порошковый — песочек. У меня в одном из ящичков стола образовалась маленькая коллекция, и я показал Мартинсу ее экспонаты. Ему не нравилось то, о чем я рассказывал, но суть дела оставалась пока неясна.

— Видимо, пенициллин от этого становился непригодным, — сказал он.

— Будь только это, — ответил я, — мы волновались бы меньше. Но посудите сами. Человек может стать невосприимчивым к пенициллину. Применение такой смеси в лучшем случае делает для больного пенициллин неэффективным. Это не шутка, если у него венерическая болезнь. А присыпание ран вместо пенициллина песком — ну, скажем, не способствует их заживлению. Многие лишались рук, ног и — жизни. Однако больше всего меня ужаснуло посещение детской больницы. Там для лечения менингита была куплена такая смесь, и одни дети умерли, а другие лишились рассудка. Сейчас они в психиатрическом отделении.

Мартинс сидел, хмуро уставясь на свои руки.

— Жутко подумать, правда? — сказал я.

— Вы пока не предъявили доказательств, что Гарри...

— Сейчас приступим к этому. Сидите спокойно и слушайте.

Я открыл досье Лайма и стал читать. Поначалу шли косвенные улики, и Мартинс нетерпеливо ерзал. В сущности, они представляли собой случайные стечения обстоятельств — сотрудники докладывали о том, что в такое-то время Лайм находился в таком-то месте, о его знакомствах с определенными людьми, о возможностях злоупотреблений. Мартинс даже запротестовал:

— Но сейчас это все можно обратить и против меня.

— Слушайте дальше, — сказал я.

Гарри Лайм вдруг стал осторожным: видимо, понял, что мы подозреваем его, и перепугался. Он занимал довольно видное положение, а такие люди легко поддаются страху. Пришлось поместить одного из наших сотрудников санитаром в английский военный госпиталь: к тому времени мы знали посредника, но не могли выйти на главаря. Не буду докучать читателю всеми подробностями, как тогда Мартинсу, — потребовалось много усилий, чтобы войти в доверие к посреднику, человеку по фамилии Харбин. В конце концов мы взяли Харбина в оборот и давили, пока он не раскололся. Полиция в подобных случаях действует по методу секретной службы: подыскиваешь двойного агента, которого можешь полностью контролировать. Харбин подходил для этой цели больше, чем кто бы то ни было. Но даже он

вывел нас только на Курца.

— На Курца? — воскликнул Мартинс. — Почему же вы не арестовали его?

— За этим дело не станет, — пообещал я.

Выход на Курца был большим шагом вперед, потому что Лайм исполнял заодно небольшую должность, связанную с благотворительными работами, и находился с ним в прямом контакте. Иногда, если возникала необходимость, они переписывались. Я показал Мартинсу фотокопию одной записки.

— Вам знаком почерк?

— Это рука Гарри. — Он прочел записку до конца. — Не вижу тут ничего предосудительного.

— Да, но теперь прочтите эту от Харбина к Курцу — ее продиктовали мы. Обратите внимание на дату. Вот вам результат.

Мартинс дважды внимательно перечел обе записки.

— Понимаете, что я имею в виду?

Если человек видит, как рушится мир, как падает самолет, вряд ли его потянет на болтовню, а мир Мартинса. определенно рушился, мир доброй дружбы, доверия к своему кумиру, мир, сложившийся двадцать лет назад... в коридоре колледжа. Все воспоминания — лежание в высокой траве, незаконная охота на бриквортской пустоши, мечты, прогулки, все, что их связывало, мгновенно стало зараженным, как город после атомного взрыва. Углубляться туда было небезопасно. Пока Мартинс сидел Молчком, глядя на свои руки, я достал из шкафа драгоценную бутылку виски и щедро налил в два стакана.

Выпейте, — сказал я, и он повиновался мне словно лечащему врачу. Я налил ему еще.

— Вы уверены, что именно Гарри был главарем? — неторопливо спросил он.

— Пока пришли к такому выводу.

— Знаете, он всегда был склонен к необдуманным поступкам.

Раньше Мартинс говорил о Лайме совсем другое, но я промолчал. Сейчас ему хотелось как-то утешить себя.

— Видимо, — сказал он, — Гарри шантажировали, втянули в эту шайку, как вы Харбина в двойную игру...

— Возможно.

— И убили, чтобы не заговорил при аресте.

— Не исключено.

— Я рад его смерти, — сказал Мартинс. — Не хотелось бы мне услышать, как Гарри раскальвается.

Он легонько хлопнул себя по колену, словно бы говоря: «Вот и все». Потом произнес:

— Я возвращаюсь в Англию.

— Советую повременить. Если попытаетесь покинуть Вену сейчас, австрийская полиция поднимет шум. Видите ли, чувство долга побудило Кулера позвонить и туда.

— Понятно, — с безнадежным видом сказал он.

— Когда мы найдем третьего... — начал было я.

— Хотелось бы мне услышать, как он раскальвается, — перебил меня Мартинс. — Гадина. Мерзкая гадина.

Выйдя от меня, Мартинс тут же решил напиться до потери сознания. Для этой цели он избрал «Ориенталь», небольшой прокуренный мрачный ночной клуб в псевдовосточном стиле. «Ориенталь» был похож на все третьеразрядные притоны в любой из столиц Западной Европы — те же фотографии полуголых девиц на лестнице, полупьяные американцы в баре, скверное вино и отличный джин. Среди ночи туда заглянул с проверкой международный патруль. Мартинс пил рюмку за рюмкой, возможно, он взял бы и женщину, но танцовщицы кабаре давно разошлись по домам, а оставшаяся там французская журналистка с красивым, хитрым лицом заснула.

Мартинс отправился дальше: в ресторане «Максим» невесело танцевало несколько парочек, а в заведении «У Виктора» испортилось отопление, и люди пили коктейли, сидя в пальто. К тому времени у Мартинса перед глазами плыли круги, и его угнетало чувство одиночества. Вспомнилась дублинская женщина, потом амстердамская. Однако единственное, что не могло обмануть, — неразбавленное виски, а от подобных женщин верности не жди. Мысли его блуждали кругами — от сентиментальности к похоти, от веры к цинизму и обратно.

Трамваи уже не ходили, и Мартинс решительно отправился пешком к подружке Гарри. Настроен он был агрессивно, но заснеженная дорога вздымалась и опускалась, как волны озера, и направляла его мысли на иной курс — к печали, вечной любви, самоотречению.

Мартинс поднялся по лестнице к двери в комнату Анны, должно быть, около трех часов ночи. Он уже почти протрезвел и думал только о том, что ей тоже нужно узнать все о Гарри. Ему казалось, что знание искупит долг, налагаемый на людей памятью, и у него появятся шансы на успех. Если человек влюблен, ему и в голову не приходит, что женщина об этом не догадывается: он считает, что ясно дал это понять интонациями голоса, прикосновением рук. Когда Анна с изумлением увидела его, взъерошенного, на пороге, он и подумать не мог, что она открывает дверь чужому человеку.

— Анна, — сказал Мартинс, — я узнал все.

— Входите, — ответила она, — незачем будить весь дом. На ней был халат, диван превратился в кровать, измятая постель говорила о бессоннице.

— Ну, — спросила Анна, пока Мартинс подбирал слова, — в чем дело? Я думала, вы больше не придете. Вас ищет полиция?

— Нет.

— Того человека действительно убили не вы?

— Конечно, не я.

— Вы что, пьяны?

— Самую малость, — угрюмо ответил Мартинс. И видя, что разговор принимает совсем не тот оборот, буркнул: — Прошу прощения.

— Почему? Я бы и сама не отказалась немного выпить.

— Я был в английской полиции, — сказал Мартинс. — Меня вовсе не подозревают в убийстве. Но там я узнал все. Гарри занимался махинациями, бесчеловечными махинациями... — И безнадежным тоном добавил: — Он вовсе не был добрым. Мы оба ошибались.

— Расскажите, — попросила Анна. Она села на постель, а Мартинс, слегка покачиваясь, стоял у стола, где лежала отпечатанная роль, все еще раскрытая на первой странице. Мне кажется, рассказывал он очень сбивчиво, сосредоточившись главным образом на том, что сильнее всего засело в его мозгу — на детях, умерших от менингита, и детях в психиатрическом

отделении. Когда рассказ подошел к концу, оба они какое-то время молчали.

— Это все? — спросила Анна.

— Да.

— Вы были трезвы? Вам это доказали?

— Да. — И мрачно добавил — Так вот каким, значит, был Гарри.

— Я рада его смерти, — сказала Анна. — Не хотелось бы, чтобы он долгие годы гнил в тюрьме.

— Но можете ли вы понять, почему Гарри, ваш, мой Гарри, связался... — И тоскливо добавил: — Мне кажется, будто его никогда не было, будто он нам приснился. Небось он все время смеялся над такими дураками, как мы?

— Возможно. Что из того? — ответила она. — Сядьте. Успокойтесь.

Мартинсу представлялось, что это он будет утешать ее, а не наоборот. Анна сказала:

— Будь он жив, то, возможно, сумел бы оправдаться, но теперь нужно помнить его таким, каким он был для нас. Всегда очень многого не знаешь о человеке, даже которого любишь, — и хорошего, и плохого. Поэтому нужно быть готовыми принять и хорошее, и плохое.

— Те дети...

— О господи, не переделывайте людей на свой лад. Гарри был самим собой. Не просто вашим кумиром и моим любовником. Он был Гарри. Занимался махинациями. Совершал преступления. Ну и что? Для нас он был тем, кем был.

— Бросьте эту проклятую философию, — сказал Мартинс. — Неужели вам неясно, что я вас люблю?

Анна в изумлении уставилась на него.

— Вы?

— Да. Я не убиваю людей негодными лекарствами. Не лицемерю, убеждая людей, что я лучший... Я просто скверный писатель, который пьет, не зная меры, и влюбляется в женщин...

— Но я даже не знаю цвета ваших глаз, — сказала она. — Если бы вы позвонили сейчас и спросили, блондин вы или брюнет и носите ли усы, я не сумела бы ответить.

— Не можете забыть его?

— Не могу.

— Как только с убийством Коха будет все ясно, — сказал Мартинс, — я уеду из Вены. Меня больше не волнует, кто убил Гарри: Курц или третий. Тот ли, другой — поделом ему. Я мог бы сам убить его при данных обстоятельствах. Но все-таки вы его любите. Любите обманщика, убийцу...

— Я любила человека, — ответила Анна. — И уже сказала — человек не меняется оттого, что вы узнали о нем что-то новое. Он остается все тем же человеком.

— Перестаньте же наконец. У меня голова трещит, а вы говорите, говорите...

— Я не приглашала вас.

— Заставили прийти помимо своей воли. Анна внезапно рассмеялась.

— Вы такой смешной, — сказала она. — Едва знакомый человек, приходите в три часа ночи и говорите, что любите меня. Потом сердитесь и начинаете ссору. Как, по-вашему, я должна была поступить или ответить?

— Я впервые вижу, как вы смеетесь. Засмейтесь еще. Мне это нравится.

— Не смеяться же дважды по одному поводу. Мартинс взял ее за плечи и слегка встряхнул.

— Я буду весь день корчить смешные рожи. Встану на голову и буду усмехаться, просунув лицо между ног. Выучу все шутки из книг о послеобеденных беседах.

— Отойдите от окна. Оно не зашторено.

— Внизу никого нет. — Однако, машинально глянув в окно, Мартинс в этом усомнился:

какая-то длинная тень шелохнулась, возможно, из-за того, что луна то появлялась, то скрывалась за тучами.

Он сказал:

— Значит, вы все еще любите Гарри?

— Да.

— Я, может быть, тоже. Не знаю. — И, уронив руки, проговорил: — Пойду.

Уходил Мартинс быстро: даже не потрудился взглянуть, не идет ли за ним кто, не движется ли та тень. Но, дойдя до конца улицы, случайно оглянулся, и там, за углом, прижавшись к стене, чтобы не быть замеченным, стоял кто-то коренастый, массивный. Мартинс остановился и стал присматриваться. Фигура показалась смутно знакомой. Может быть, подумал он, этот человек примелькался мне за последние сутки, может, это тот самый, кто неустанно следит за мной. Мартинс стоял, глядя на молчаливого неподвижного человека в двадцати ярдах на темной улочке. Возможно, это был полицейский шпик или агент тех людей, что сперва растлили Гарри, а потом прикончили его. Может быть, даже тот самый, третий?

Знакомым было не лицо, поскольку Мартинс не мог разглядеть ни одной черты, не движения, потому что человек был совершенно неподвижен, и Мартинсу даже стало казаться, что это мираж, созданный тенью. Он резко крикнул: «Вам что-нибудь нужно?», но ответа не подучил. Крикнул снова с хмельным вызовом: «Отвечайте», и на сей раз ответ пришел сам собой, потому что кто-то разбуженный в сердцах отдернул штору, свет упал на противоположную сторону неширокой улочки и выхватил из темноты лицо Гарри Лайма.

— Верите вы в привидения? — спросил меня Мартинс.

— А вы?

— Теперь — да.

— Я верю, что пьяным иногда кое-что мерещится — когда крысы, когда что еще похуже.

Мартинс не сразу пришел со своей новостью — лишь опасность, угрожающая Анне Шмидт, занесла его ко мне в кабинет, взъерошенного, небритого, измученного тем, что он видел и не мог понять.

— Из-за одного только лица, — сказал он, — я бы не стал волноваться. Гарри не выходил у меня из головы и вполне мог почудиться в незнакомце. Видел я лицо только мельком, свет тут же погас, и этот человек — если то был человек — пошел прочь. До перекрестка там далеко, но я был так ошеломлен, что дал ему отойти ярдов на тридцать. Подойдя к газетному киоску, он скрылся. Я побежал за ним. Через десять секунд я был у киоска, и он должен был слышать, как я бегу, но, как ни странно, его и след простыл. Я подошел к киоску — никого. На улице ни души. Незаметно войти в какой-нибудь дом он не мог. Исчез — и все тут.

— Чего еще ждать от призрака или галлюцинации.

— Не настолько же я был пьян!

— А что потом?

— Мне потребовалось выпить еще. Нервы совсем расшатались.

— Выпивка не вызвала призрака снова?

— Нет, но привела меня к Анне.

Очевидно, Мартинс постыдился бы прийти ко мне с этой нелепой историей, если бы не попытка арестовать Анну Шмидт. Когда он выложил мне все до конца, я решил, что там был какой-то наблюдатель, но черты Гарри Лайма ему придали хмель и нервозность Мартинса. Что наблюдатель засек его визит к Анне и по телефону известил об этом всех членов шайки. События в ту ночь разворачивались быстро.

Курц, как вы помните, жил в советской зоне, на широкой, пустынной, заброшенной улице, идущей до Пратерплац. После смерти Лайма он, видимо, сохранил нужные контакты. Соглашение между союзниками в Вене ограничивало действия военной полиции (которой приходилось иметь дело с преступлениями, где замешаны представители союзников) только своей зоной, чтобы действовать в зоне другой державы, требовалось разрешение. Мне было бы достаточно позвонить своим американским или французским коллегам, чтобы послать людей произвести арест или проводить расследование. Прежде чем я получил бы разрешение от русских, прошло бы не меньше двух суток, однако на практике редки случаи, когда нужно действовать более срочно. Даже дома не всегда возможно быстрее получить ордер на обыск или разрешение взять под стражу подозреваемого.

Следовательно, если бы я решил арестовать Курца, то его вполне можно было взять и в английской зоне.

Когда Ролло Мартинс, пошатываясь, снова пришел к Анне с вестью, что видел призрак Гарри, испуганный швейцар сказал ему, что Анну увез международный патруль.

Произошло вот что. В то время председательствовали в Старом городе русские, и к ним поступил донос, что Анна Шмидт — их соотечественница, живущая по фальшивым документам. Поэтому русский направил машину на улицу, где жила Анна.

У ее дома американец включился в игру и спросил по-немецки, в чем, собственно, дело.

Француз прислонился к капоту двигателя и закурил вонючую сигарету. Это дело Франции не касалось, а потому не имело для него особого значения. Русский произнес несколько слов по-немецки и потряс бумагами. Насколько остальные его поняли, здесь жила без надлежащих документов русская, разыскиваемая советскими органами. Они поднялись и обнаружили Анну в постели, хотя я сомневаюсь, что после визита Мартинса она спала.

В подобных ситуациях немало комичного для тех, кого это не касается непосредственно. Чтобы страшное перевесило смешное, нужно иметь за спиной всеевропейский ужас, обыски и исчезновения людей, отца, принадлежащего к побежденной стороне. Русский отказался выйти из комнаты, американец не хотел оставлять женщину беззащитной, а француз — я думаю, француз отнесся к этому юмористически. Можете представить себе эту сцену? Русский лишь исполнял свой долг и неотрывно смотрел на женщину без малейшего нездорового интереса, американец рыцарски повернулся к ней спиной, француз покуривал и со сдержанным любопытством наблюдал в зеркале гардероба, как женщина одевается, англичанин же встал в проходе, недоумевая, как быть дальше.

Только не подумайте, что англичанин оказался растяпой. Пока он стоял там, не заботясь о рыцарстве, у него было время подумать, и раздумья привели его к телефону в соседней квартире. Он сразу дозвонился до меня. Вот почему через час, когда позвонил Мартинс, я уже знал, что его беспокоит. После той ночи я уже не слышал от него шуток по адресу полицейских или шерифов.

Когда англичанин вернулся в комнату Анны, там шел горячий спор. Анна сказала американцу, что у нее австрийские документы (это было правдой) и что они в полном порядке (а это было уже натяжкой). Американец на ломаном немецком сказал русскому, что они не имеют права арестовывать австрийскую гражданку. Потом попросил у Анны документы, но когда она протянула их, ими завладел русский.

— Венгерка, — сказал он, указывая на Анну, а затем помахал документами, — плохие, плохие.

Американец, фамилия его была О'Брайен, сказал русскому по-английски: «Верните женщине документы», но русский не понял. Американец положил руку на кобуру, и капрал Стерлинг мягко сказал:

— Оставь, Пэт.

— Если документы не в порядке, мы имеем право заглянуть в них.

— Да брось ты. Заглянем в комендатуре.

— Беда с вами, англичанами, вечно не знаете, когда нужно дать отпор.

— Ну и ладно, — сказал Стерлинг. Он был под Дюнкерком, но знал, когда нужно вести себя спокойно.

Водитель внезапно затормозил: впереди было дорожное ограждение. Я знал, что они будут проезжать мимо этого поста. Просунув голову в окошко, я сказал русскому на его ломаном языке:

— Что вы делаете в британской зоне?

Он недовольно ответил, что у него приказ.

— Чей? Покажите.

Я разглядел подпись — она была мне знакома. И сказал:

— Вам предписано арестовать некую венгерку, военную преступницу, жившую в английской зоне по фальшивым документам. Покажите мне их.

Русский начал долгое объяснение. Я прервал:

— По-моему, документы в полном порядке, но я их проверю и сообщу о результатах вашему полковнику. Разумеется, он в любое время может потребовать выдачи этой дамы.

Нужны будут только доказательства ее преступной деятельности.

Я сказал Анне: «Выходите из машины», пожал русскому руку, помахал остальным, облегченно вздохнул, и на том инцидент был исчерпан.

Когда Мартинс рассказал, что вернулся к Анне и не застал ее, я крепко задумался. Мне не верилось, что человек с лицом Гарри Лайма был призраком или алкогольной галлюцинацией. Я взял две карты Вены, сравнил их, потом, прервав изливания Мартинса стаканом виски, позвонил своему помощнику и спросил, нашел ли он Харбина. Помощник ответил, что нет: насколько он понял, Харбин неделю назад уехал из Клагенфурта в соседнюю зону к своей семье. Нужно всегда делать все самому, чтобы потом не сваливать вину за неудачу на подчиненных. Я уверен, что не выпустил бы Харбина из наших тисков, но, с другой стороны, мог наделать ошибок, которых бы избежал мой помощник.

— Ладно, — сказал я. — Продолжайте поиск.

— Прошу прощения, сэр.

— Ничего. Бывает.

Его юношеский, пылкий голос (жаль, что сам больше не испытываешь такого пыла в повседневной работе: сколько возможностей, сколько догадок осталось под спудом лишь потому, что работа уже приелась) звенел в трубке: «Знаете, сэр, мне кажется, что мы слишком легко исключаем возможность убийства. Есть несколько пунктов...»

— Изложите их письменно, Картер.

— Слушаюсь, сэр. Я считаю, сэр, если мне позволительно так выразиться (Картер еще очень молод), нам следует эксгумировать труп. Нет никаких подтверждений, что смерть наступила именно в то время, о котором говорят свидетели.

— Согласен, Картер. Обращайтесь к властям. Мартинс был прав! Я оказался полнейшим ослом, но учтите, что работа полицейского в оккупированном городе совсем не похожа на работу дома. Здесь незнакомо все: методы иностранных коллег, порядок дознания, даже процедуры расследования. Очевидно, я пришел в то состояние духа, когда слишком полагаешься на собственное суждение. При вести о смерти Лайма у меня словно камень с души свалился. Этот несчастный случай был мне на руку. Я спросил Мартинса:

— Заглянули вы в тот газетный киоск, или он был заперт?

— Да он вовсе не газетный, — ответил Мартинс. — Массивный железный киоск, обклеенный афишами, из тех, что стоят повсюду.

— Покажите мне его.

— А как там Анна?

— Полиция наблюдает за домом. Пока что все спокойно.

Мне не хотелось появляться в том районе на полицейской машине, поэтому мы поехали на трамвае — несколькими маршрутами, пересаживаясь то тут, то там, и пришли к месту пешком. Я был одет в штатское, хотя и сомневался, что после неудачи с Анной сообщники Лайма рискнут выставить наблюдателя.

— Вот этот перекресток, — сказал Мартинс и повел меня в боковую улочку. Мы остановились у киоска.

— Понимаете, он зашел сюда и вдруг исчез — словно под землю.

— Вот именно, под землю.

— Как это?

Проходя мимо, невозможно заметить, что у киоска есть дверь; к тому же, когда тот человек скрылся, было темно. Я распахнул ее и показал Мартинсу винтовую железную лестницу, уходящую вниз.

— Господи, — сказал он, — я даже представить не мог...

— Это один из входов в главный канализационный коллектор.

— Значит, каждый может спуститься туда?

— Каждый.

— И далеко так можно уйти?

— На другой конец Вены. Люди прятались здесь во время воздушных налетов, некоторые из наших бежавших пленных скрывались там по два года. Пользовались этими ходами также дезертиры и взломщики. Если человек в них ориентируется, он может выйти наверх почти в любой части города через люк или такой же киоск. Австрийцы вынуждены содержать специальную полицию для патрулирования коллекторов.

Я закрыл дверь и сказал:

— Вот так и скрылся ваш друг Гарри.

— По-вашему, это в самом деле был он?

— Больше некому.

— Кого же тогда похоронили?

— Пока не знаю, но скоро выясним. Мы решили вскрыть могилу. Однако мне кажется, что Кох был не единственным свидетелем, которого они убрали.

— Ужасно, — сказал Мартинс.

— Да.

— Что же вы намерены предпринять?

— Не знаю. Лайм наверняка скрывается в другой зоне. Информировать нас о Курце теперь некому, потому что Харбин убит — это единственное объяснение инсценировке несчастного случая и похорон.

— Странно, однако, что Кох не узнал лица покойного.

— Окно высоко, и, видимо, лицо было обезображено заранее.

— Я хотел бы поговорить с Гарри, — задумчиво сказал Мартинс. — Понимаете, во многое мне просто не верится.

— Пожалуй, вы единственный, кто мог бы поговорить с ним. Только это рискованно, потому что вам известно слишком много.

— Никак не верится... Я видел лицо всего лишь мельком. Что я должен делать?

— Сейчас Лайм не покинет своей зоны. Заманить его сюда удастся только Анне или вам, если он верит, что вы до сих пор его друг. Но сперва нужно поговорить с ним. Как это устроить — не представляю.

— Повидаюсь с Курцем. У меня есть адрес.

— Имейте в виду, — предупредил я, — Лайм способен не выпустить вас живым из советской зоны, а дать вам туда охрану я не могу.

— Я хочу разобраться в этой проклятой истории, — заявил Мартинс, — но вовлекать его в западню не буду. Поговорю с ним, вот и все.

Воскресенье распростерло над Веной свой обманчивый покой: ветер утих, и вот уже сутки не было снега. Все утро битком набитые трамваи шли в Гринцинг, где продавалось молодое вино, и к заснеженным холмам за городом. Во второй половине дня, переходя канал по временному понтонному мосту, Мартинс обратил внимание, что город опустел: молодежь каталась на санках и лыжах, а старики дремали после обеда. Щит с надписью оповестил его, что он входит в советскую зону, но никаких признаков оккупации не было. Русских солдат чаще можно встретить в Старом городе, чем там.

Мартинс умышленно не предупредил Курца о своем визите. Лучше было не застать его дома, чем встретить подготовленный прием. На всякий случай он взял с собой все документы, в том числе и пропуск, разрешавший свободное передвижение во всех оккупационных зонах Вены. Здесь, на другой стороне канала, было необычно тихо, и какой-то аффектированный журналист нарисовал картину безмолвного ужаса: но, по правде, тишина объяснялась шириной улиц, более сильными разрушениями, меньшей населенностью и воскресным днем. Бояться там было нечего, но тем не менее на огромной безлюдной улице, где слышны только собственные шаги, трудно не оглядываться.

Мартинс легко нашел дом, на звонок вышел сам Курц, словно ждал гостя.

— А, — сказал он, — это вы, Ролло, — и растерянно почесал затылок. Мартинс не сразу понял, почему Курц выглядит совсем не так. На нем не было парика, однако голова его оказалась вовсе не лысой. Совершенно нормальная голова с коротко стриженными волосами.

— Напрасно не позвонили, — сказал он Мартинсу. — Вы едва застали меня, я уже собирался уходить.

— Можно к вам на минутку?

— Конечно.

В коридоре стоял шкаф с открытой дверцей, и Мартинс увидел пальто Курца, плащ, несколько мягких шляп и парик, безмятежно висящий на крючке, словно головной убор.

— Я рад, что у вас выросли волосы, — сказал он и с изумлением увидел в зеркале дверцы, как в глазах Курца вспыхнул гневный огонь, а на щеках появились красные пятна. Когда он обернулся, Курц состроил заговорщицкую улыбку и уклончиво произнес:

— Голове в нем теплее.

— Чьей? — спросил Мартинс, его внезапно осенило, как мог пригодиться этот парик в день несчастного случая. — Не придавайте значения, — торопливо добавил он, потому что пришел не ради Курца. — Мне нужно видеть Гарри.

— Гарри?

— Я хочу поговорить с ним.

— Вы с ума сошли?

— Времени у меня мало, поэтому предположим, что да. Только обратите внимание на характер моего безумия. Если увидите Гарри — или его призрак, — то передайте, что мне нужно с ним поговорить. Призраки не боятся людей, так ведь? Это люди боятся их. В течение ближайших двух часов я буду ждать его у колеса обозрения в Пратере. Если можете вступать в контакт с мертвецами, поторопитесь. — И прибавил: — Не забывайте, я был другом Гарри.

Курц промолчал, но в одной из комнат кто-то кашлянул. Мартинс распахнул дверь: у него была легкая надежда снова увидеть воскресшего из мертвых, но там оказался доктор Винклер, он поднялся с кухонной табуретки перед плитой и очень чопорно, церемонно поклонился с тем же целлулоидным скрипом.

— Доктор Винтик, — вырвалось у Мартинса. На кухне Винклер выглядел в высшей степени неуместно: весь стол был завален объедками, и немытая посуда плохо гармонировала с чистотой доктора.

— Винклер, — поправил доктор с твердокаменным упорством.

— Расскажите доктору о моем безумии, — обратился Мартинс к Курцу. — Возможно, он сумеет поставить диагноз. Не забудьте — у колеса. Или призраки являются только по ночам?

И ушел из квартиры.

Ждал почти целый час, расхаживая для согрева туда-сюда в ограде колеса обозрения: разрушенный Пратер с грубо торчащими из-под снега обломками был почти пуст. Единственный ларек торговал блинами, и дети стояли в очереди, держа наготове талоны. В один вагончик колеса набивалось по нескольку парочек, и он, вращаясь вместе с пустыми вагончиками, медленно поднимался над городом. Когда вагончик достигал высшей точки, колесо минуты на две останавливалось, и высоко вверху крошечные лица прижимались к стеклам. Мартинс размышлял, кто придет на встречу. Верен ли Гарри старой дружбе, явится ли сам, или сюда нагрянет полиция? Такого, судя по налету на квартиру Анны, от него вполне можно было ожидать. Взглянув на часы и увидев, что половина намеченного срока прошла, Мартинс подумал: «Может, у меня просто разыгралось воображение? И сейчас тело Гарри откапывают на Центральном кладбище?»

За ларьком кто-то стал насвистывать, Мартинс узнал знакомую мелодию, повернулся и замер. Сердце его торопливо забилося то ли от страха, то ли от волнения — или воспоминаний, пробужденных этой мелодией, потому что жизнь всегда становилась ярче с появлением Гарри. Появился он словно ни в чем не бывало, словно никого не зарывали в могилу и не находили в подвале с перерезанным горлом, как всегда, самодовольно, вызывающе, словно бы говоря: «принимайте меня таким, как есть», — и конечно, его всегда принимали.

— Гарри.

— Привет, Ролло.

Только не подумайте, что Гарри Лайм был обаятельным негодяем. Вовсе нет. У меня в досье есть превосходный снимок: он стоит на улице, широко расставив толстые ноги, огузлые плечи чуть ссутулены, выпирает брюшко от вкусной и обильной еды, на веселом лице плутовство, довольство, уверенность, что его счастьем не будет конца. Подойдя, он не протянул руки из опасения, что Мартинс откажется ее пожать, а похлопал его по локтю и спросил:

— Как дела?

— Нам нужно поговорить, Гарри.

— Само собой.

— Наедине.

— Здесь это будет проще всего.

Он всегда знал все ходы и выходы, знал их даже там, в разрушенном парке, и дал на чай женщине, управлявшей колесом обозрения, чтобы она предоставила вагончик им на двоих.

Раньше так поступали ухажеры, — сказал он, — но сейчас они стеснены в деньгах, бедняги, — и глянул из окна раскачивающегося вагончика на фигурки остающихся внизу людей, казалось, с искренним сочувствием.

По одну сторону город очень медленно уходил вниз, по Другую очень медленно появлялись большие скрещенные опоры колеса. Горизонт отступал, показался Дунай, и быки моста кайзера Фридриха поднялись над домами.

— Ну что ж, — сказал Гарри, — рад видеть тебя, Ролло.

— Я был на твоих порохолах.

— Хорошо устроено, правда?

— Для твоей подружки не очень. Она тоже была у могилы — вся в слезах.

— Славная малышка, — сказал Гарри. — Я к ней очень привязан.

— Когда полицейский рассказал о тебе, я не поверил.

— Знать бы, как все сложится, — сказал Гарри, — то не пригласил бы тебя. Но вот уж не думал, что полиция интересуется мной.

— Ты хотел взять меня в долю?

— Я всегда брал тебя в дела, старина.

Лайм стоял спиной к дверце качающегося вагончика и улыбался Ролло Мартинсу, а тот вспоминал его в такой же позе в тихом углу внутреннего четырехугольного двора говорящим: «Я нашел способ выбираться по ночам. Совершенно надежный. Открываю его только тебе». Впервые в жизни Ролло Мартинс оглядывался на прошлое без восхищения и думал: «Он так и не повзрослел». У Марло черти носят привязанные к хвостам шутихи: зло похоже на Питера Пэна (Персонаж одноименной пьесы английского драматурга Дж. Барри (1860–1937).) — оно обладает потрясающим и ужасным даром вечной юности.

— Бывал ты в детской больнице? — спросил Мартинс. — Видел хоть одну из своих жертв?

Глянув на миниатюрный ландшафт внизу, Гарри отошел от дверцы.

— Мне всегда страшно в этих вагончиках. — И потрогал дверцу, словно боялся, что она распахнется и он упадет с высоты на усеянную железками землю. — Жертв? — переспросил он. — Не будь мелодраматичным, Ролло, погляди-ка сюда. — И показал на людей, кишущих внизу, словно черные мухи. — Будет ли тебе искренне жаль, если одна из этих точек перестанет двигаться — навсегда? Если я скажу, что ты получишь двадцать тысяч фунтов за каждую остановленную точку, ответишь ли ты не колеблясь: «Старина, оставь свои деньги при себе»? Или начнешь подсчитывать, сколько точек сможешь пощадить? Эти деньги не облагаются налогом, старина. — Он улыбнулся мальчишеской, заговорщицкой улыбкой. — В наше время это единственный способ разбогатеть.

— Ты не мог заняться автопокрышками?

— Как Кулер? Нет, я всегда был честолобив. Но им не схватить меня, Ролло, вот увидишь. Я снова вынырну на поверхность. Умнога человека утопить невозможно.

Вагончик, раскачиваясь, остановился на высшей точке орбиты. Гарри повернулся к Мартинсу спиной и стал смотреть в окно. Мартинс подумал: «Один хороший толчок, и стекло разобьется» — и представил себе тело, упавшее среди тех мух.

— Знаешь, — сказал он, — полицейские собирались вскрыть твою могилу. Кого они там обнаружат?

— Харбина, — простодушно ответил Гарри. Потом отвернулся от окна и произнес: — Погляди-ка на небо.

Вагончик неподвижно висел на высшей точке орбиты, и закатные лучи разбегались по хмурому облачному небу за черными балками.

— Почему русские хотели забрать Анну Шмидт?

— У нее фальшивые документы, старина.

— Я думал, может, ты хотел переправить ее сюда, потому что она твоя подружка? Потому что любишь ее?

Гарри улыбнулся:

— У меня здесь нет никаких связей.

— Что случилось бы с ней?

— Ничего особенного. Выслали бы обратно в Венгрию. Никаких обвинений против нее нет. Ей было бы гораздо лучше жить на родине, чем терпеть грубость английской полиции.

— Анна ничего не рассказала о тебе полицейским.

— Славная малышка, — повторил Гарри с самодовольной гордостью.

— Она любит тебя.

— Что ж, ей не приходилось жаловаться, пока мы были вместе.

— А я люблю ее.

— Прекрасно, старина. Будь добр к ней. Она того заслуживает. Я рад. — У Лайма был такой вид, будто он устраивал все к всеобщему удовольствию. — И позаботься, чтобы она помалкивала. Хотя ничего серьезного ей не известно.

— У меня руки чешутся вышибить тебя вместе со стеклом.

— Не вышибешь, старина. Наши ссоры всегда кончались быстро. Помнишь ту жуткую, в Монако, когда мы клялись, что между нами все кончено? Я всегда доверял тебе, Ролло. Курц уговаривал меня не приходить, но я тебя знаю. Потом он советовал... ну, устроить несчастный случай. Сказал, что в таком вагончике это будет очень легко.

— Но ведь я сильнее тебя.

— А у меня пистолет. Думаешь, пулевая рана будет заметна после падения на эту землю?

Вагончик дернулся, поплыл вниз, и вскоре мухи превратились в карликов, стало видно, что это люди.

— Ну и болваны мы, Ролло, нашли о чем говорить, словно я поступил бы так с тобой — или ты со мной.

Он снова повернулся и приник лицом к стеклу. Один толчок...

— Старина, сколько ты зарабатываешь в год своими вестернами?

— Тысячу фунтов.

— Облагаемых налогом. А я тридцать тысяч чистыми. Такова жизнь. В наши дни, старина, об отдельных людях никто не думает. Раз не думают правительства, с какой стати думать нам? У русских на уме народ, пролетариат, а у меня простофили. В принципе одно и то же. У них свои пятилетние планы, у меня свои.

— Ты ведь был католиком.

— О, я и сейчас верую, старина. В бога, милосердие и во все прочее. Своими делами я не приношу вреда ничьей душе. Мертвым лучше быть мертвыми. Немного они потеряли, уйдя из этого мира, бедняги, — добавил он с неожиданным оттенком искренней жалости, когда вагончик спустился к платформе, и те, кому отводилась участь жертв, усталые, ждущие воскресных развлечений люди уставились на них. — Знаешь, я могу взять тебя в дело. Будет очень кстати. В Старом городе у меня никого не осталось.

— Кроме Кулера? И Винклера?

— Не превращайся в полицейского, старина.

Они вышли из вагончика, и Лайм снова положил руку на локоть Мартинса.

— Это шутка, я знаю, ты откажешься. Слышал в последнее время что-нибудь о Брейсере?

— Он прислал мне открытку на рождество.

— Славные то были дни, старина, славные. Здесь я должен с тобой расстаться. Мы еще увидимся... когда-нибудь. В случае чего найдешь меня через Курца.

Отойдя, он помахал рукой — у него хватило такта ее не протягивать. Казалось, все прошлое уплывает во мрак забвения. Мартинс внезапно крикнул вслед Лайму: «Гарри, не доверяй мне», — но расстояние между ними было уже таким, что эти слова нельзя было расслышать.

— Анна была в театре, — рассказывал Мартинс, — на утреннем спектакле. Пришлось смотреть его с начала до конца во второй раз. Это пьеса о пианисте средних лет, влюбленной девушке и понимающей — очень понимающей — жене. Играла Анна скверно — актриса она в лучшем случае посредственная. После спектакля я зашел к ней в уборную. Анна очень нервничала. Видимо, решила, что я собираюсь начать серьезные ухаживания, а ей было не до того. Я сказал, что Гарри жив, — думал, Анна обрадуется и мне будет неприятна ее радость, но она сидела перед зеркалом, не утирая слез, катившихся по гриму, и тут я пожалел, что она не радуется. Выглядела Анна ужасно, и я любил ее. Я передал ей разговор с Гарри, но Анна почти не слушала, потому что когда я дошел до конца, она сказала:

— Жаль, что он не мертв.

— Он заслуживает смерти.

— Ведь тогда он был бы недостижим.:— для всех. Я спросил Мартинса:

— Вы ей показали снимки детей, взятые у меня?

— Показал. Думал, они либо доконают ее, либо исцелят. Ей нужно выбросить Гарри из головы. Фотографии я приставил к баночкам с гримом. Она не могла их не видеть. Я сказал Анне:

— Полиция может арестовать Гарри только в этой зоне, и мы должны помочь!

— Я думала, он был вашим другом, — сказала Анна. — Мне другом он был. На мою помощь не рассчитывайте. Я больше не хочу видеть Гарри, не хочу слышать его голоса. Не хочу, чтобы он прикасался ко мне, но и пальцем не шевельну, чтобы причинить ему вред.

Мне стало горько — не знаю почему; в конце концов я ничего для нее не сделал. Даже Гарри сделал для нее больше меня. Я сказал: «Вы до сих пор любите его», словно обвиняя в преступлении. Она ответила: «Не люблю, но он живет во мне. Правда, не как друг. Даже в любовных снах я всегда вижу только его».

Мартинс замялся, и я подбодрил:

— Дальше.

— Тут я поднялся и ушел. Теперь слово за вами. Что от меня требуется?

— Нужно действовать быстро. В гробу оказалось тело Харбина, поэтому Винклера с Кулером можно брать сразу же. Курц пока вне досягаемости, водитель тоже. Мы официально запросим у русских разрешение на арест Курца и Лайма: материалов для этого в деле хватает. Если использовать вас как приманку, ваше сообщение Лайму должно отправиться немедленно — не после того, как вы проведете сутки в этой зоне. Я представляю себе это так: после возвращения в Старый город вас привели сюда на допрос. Здесь вы узнали о Харбине, поняли, что к чему, и пошли предупредить Кулера. Мы позволим Кулеру улизнуть ради более крупной дичи — у нас нет никаких доказательств, что он участвовал в махинациях с пенициллином. Кулер отправится во вторую зону, к Курцу, и Лайм узнает, что вы не сказали о нем ни слова. Три часа спустя вы пошлете сообщение, что полиция преследует вас: вы находитесь в убежище и вам нужно его видеть.

— Он не придет.

— Может прийти. Убежище мы подберем старательно — чтобы риск казался минимальным. Попытаться стоит. Если он выручит вас, это даст ему возможность гордиться собой и потешаться над вами. И обеспечит ваше молчание.

— В колледже он никогда не выручал меня, — сказал Мартинс. Было ясно, что он пересматривает прошлое и делает выводы.

— Там неприятности были пустяковые, и не было опасности, что вы заговорите.

— Я сказал Гарри: «Не доверяй мне», но он не расслышал.

— Вы согласны?

Мартинс вернул мне фотографии детей, они лежали на столе, и я заметил, что он долго не сводил с них взгляда.

— Да, — ответил он. — Согласен.

Все начальные приготовления шли по плану. Винклера, только что вернувшегося из второй зоны, мы решили не брать, пока Кулер не будет предупрежден. Мартинс говорил с Кулером недолго. Американец встретил его без тени смущения и очень покровительственно.

— О, мистер Мартинс, приятно вас видеть. Присаживайтесь. Я рад, что между вами и полковником Каллоуэем все окончилось хорошо. Он очень честный человек.

— Радоваться нечему, — сказал Мартинс.

— Вы, конечно, не в претензии, что я сообщил ему о вашей встрече с Кохом? Я подумал: если вы неповинны, то немедленно оправдаетесь, а если виновны, мои симпатии к вам не должны мешать делу. У гражданина есть определенные обязанности.

— Например, давать ложные показания.

— А, это старая история, — сказал Кулер. — Я боялся, что вы сердитесь на меня, мистер Мартинс. Взгляните на дело так — лояльный гражданин...

— Полиция эксгумировала труп. Вас с Винклером будут искать. Предупредите Гарри...

— Не понимаю.

— Прекрасно понимаете.

Было ясно, что Кулер понял. Мартинс резко поднялся и ушел. Больше он видеть не мог этого любезного, озабоченного гуманиста.

Теперь оставалось только наживить крючок. Изучив карту канализационной системы, я пришел к выводу, что кафе возле киоска, который Мартинс принял за газетный, будет самым подходящим местом. Лайму нужно только подняться на поверхность, пройти пятьдесят ярдов, забрать Мартинса и снова уйти под землю. Он не догадывался, что его расчет нам ясен: ему, конечно же, было известно, что обход коллекторов специальной полицией кончается незадолго до полуночи, а следующий начинается только в два, и вот в полночь Мартинс сидел в маленьком холодном кафе с видом на киоск и пил кофе чашку за чашкой. Я дал ему пистолет, расставил людей как можно ближе к киоску, а специальная полиция была готова закрыть в полночь все выходы и начать прочесывание коллекторов от окраин к центру. Но я хотел не дать Лайму спуститься снова под землю. Это избавило бы нас от трудов — а Мартинса от риска. Итак, Мартинс сидел в кафе.

Ветер поднялся снова, но снега не принес: он тянул ледяными порывами с Дуная и сдувал снежинки, словно пену с гребня волны, на маленькой, покрытой мерзлой травой площадке. Отопления в кафе не было, и Мартинс поочередно грел руки о чашку эрзац-кофе — о бесчисленные чашки. Почти все время с ним находился кто-нибудь из моих людей — я менял их минут через двадцать с неравными интервалами. Прошло больше часа: Мартинс давно потерял надежду, и я тоже. Я сидел у телефона в нескольких кварталах отсюда с отрядом специальной полиции, готовым при необходимости спуститься под землю. Нам было легче, чем Мартинсу: в сапогах до бедер и в бушлатах мы не мерзли. Один из полицейских пристегнул на грудь небольшой прожектор, раза в полтора побольше автомобильной фары, другой запасся связкой римских свечей. Раздался телефонный звонок. Звонил Мартинс.

— Я умираю от холода, — сказал он. — Уже четверть второго. Есть ли смысл ждать еще?

— Вы напрасно звоните. Вам нужно быть на виду.

— Я выпил семь чашек этого дрянного кофе. Больше мой желудок не выдержит.

— Если Лайм придет, то уже скоро. Он не захочет наткнуться на двухчасовой патруль. Пробудьте там еще четверть часа, но не подходите к телефону.

Внезапно Мартинс сказал:

— Черт возьми, он здесь. Он...

Голос в трубке оборвался. Я сказал помощнику: «Дайте сигнал охранять все выходы», а отряду: «Спускаемся вниз»

Произошло вот что. Мартинс еще говорил, когда Гарри Лайм вошел в кафе. Не знаю, что он услышал, может быть, ничего. Достаточно было увидеть, что человек, которого ищет полиция и у которого нет друзей в Вене, говорит по телефону. И прежде чем Мартинс положил трубку, он вышел. Как раз в тот миг никого из полицейских в кафе не оказалось. Один только что ушел, а другой подходил к дверям. Гарри Лайм проскользнул мимо него и направился к киоску. Мартинс вышел из кафе и увидел моих людей. Крикни он сразу, все было бы просто, но, мне кажется, то уходил не Лайм, мошенник и убийца, то был Гарри. Пока Мартинс колебался, Лайм вошел в киоск, потом Мартинс крикнул: «Это он!», но Лайм уже спускался под землю.

Что за странный, неизвестный большинству мир лежит у нас под ногами: мы живем над пещерной страной водопадов и мчащихся рек, там есть приливы и отливы, как и в мире наверху. Если вы читали о приключениях Аллана Квотермейна (Герой романа писателя Р. Хаггарда (1856–1925).) и рассказ о его путешествии по подземной реке в город Милосис, то сможете представить себе последнее убежище Лайма. Главный поток шириной в половину Темзы мчится под громадным сводом и питается ручьями: эти ручьи спускаются водопадами с более высоких уровней и очищаются при падении, так что в этих боковых каналах грязен лишь воздух. Главный поток издает душистый, свежий запах с примесью озона, и повсюду в темноте слышен шум бегущей или падающей воды. Когда Мартинс и полицейский подошли к этой реке, только что кончился прилив: сперва они спустились по винтовой железной лестнице, потом миновали короткий проход, такой низкий, что им пришлось нагибаться, а потом у их ног заплескалась мелкая с краю река. Мой человек посветил фонариком на край потока и сказал: «Пошел туда», потому что как глубокая река прибывает к берегу всякий хлам, так и канализационный поток оставляет в мелкой воде у стены апельсиновые корки, пачки из-под сигарет и тому подобное, и в этих отбросах Лайм оставил свой след четко, будто на сырой земле. Полицейский держал фонарик над головой в левой руке, а пистолет в правой. Мартинсу он сказал:

— Держитесь позади меня, сэр, этот гад может выстрелить.

— Тогда почему, черт возьми, вы должны быть впереди?

— Это моя работа, сэр.

Они шли по колено в воде, полицейский направлял луч фонарика на взбаламученный след у края потока.

— Самое нелепое, — сказал он, — что этому гаду все равно никуда не деться. Все выходы охраняются, путь в русскую зону перекрыт. Нашим ребятам остается только прочесать боковые ходы от люков.

Полицейский достал свисток и свистнул, очень издалека стали доноситься ответные трели.

— Все уже внизу, — сказал он. — Я говорю об отряде полиции специального назначения. Ребята знают это место так же, как я Тотенхем-корт-роуд. Жаль, меня сейчас не видит моя старуха. — Он приподнял фонарик повыше, чтобы посмотреть вперед, и в этот миг раздался выстрел. Фонарик выпал и шлепнулся в воду.

— Черт бы побрал этого гада, — пробормотал полицейский.

— Вы ранены?

— Слегка царапнуло кисть, пустяки. Вот запасной фонарик, сэр, подержите, пока я перевяжу руку. Не светите. Он в одном из боковых ходов.

Звук выстрела еще долго перекачивался эхом; когда последний отзвук стих, впереди раздался свисток, и спутник Мартинса свистнул в ответ.

— Странное дело, — сказал Мартинс, — я даже не знаю вашей фамилии.

— Бейтс, сэр. — Он негромко засмеялся в темноте. — Это не мой постоянный участок. Вы знаете пивную «Подкова», сэр?

— Да.

— И «Герцог Графтон»?

— Знаю.

— Что ж, кого там только не бывает.

— Давайте я пойду вперед, — предложил Мартинс. — Вряд ли он станет стрелять в меня. Я хочу поговорить с ним.

— Мне приказано всемерно оберегать вас, сэр.

— Ничего.

Мартинс обошел Бейтса, погрузившись при этом на фут глубже. Выйдя вперед, он крикнул: «Гарри», — вдоль потока понеслось эхо «Гарри, Гарри, Гарри» и вызвало в темноте целый хор свистков.

— Гарри! — крикнул он снова. — Выходи. Это бесполезно.

Неожиданно близкий голос заставил их прижаться к стене.

— Это ты, старина? Говори, что нужно делать.

— Выходи. И подними руки над головой.

— У меня нет фонарика, старина. Я ничего не вижу.

— Осторожнее, сэр, — предупредил Бейтс.

— Прижмитесь к стене. В меня он стрелять не станет, — сказал Мартинс. И крикнул: — Гарри, сейчас я включу фонарик. Играй по-честному и выходи. Все равно тебе не скрыться.

Он зажег фонарик, и футах в двадцати, на грани воды и света, появился Лайм.

— Подними руки, Гарри.

Гарри вскинул руку и выстрелил. Пуля срикошетила от стены возле головы Мартинса, и он услышал, как вскрикнул Бейтс. В этот миг луч прожектора с пятидесяти ярдов осветил весь канал и выхватил из темноты Лайма, Мартинса, широко открытые глаза Бейтса, лежащего по грудь в воде. Под мышку ему занесло пустую сигаретную пачку. Тут подоспел мой отряд.

Мартинс в смятении стоял над Бейтсом. Лайм находился между нами. Стрелять из опасения попасть в Мартинса мы не могли, а Лайма слепил свет прожектора. Мы медленно продвигались вперед, на всякий случай держа пистолеты наготове, Лайм метался туда-сюда, как ослепленный фарами заяц, потом внезапно бросился в центральный поток, глубокий и быстрый. Когда мы повернули вслед ему прожектор, он был под водой, и течение быстро несло его мимо тела Бейтса, за пределы луча, в темноту. Что заставляет человека в безвыходном положении цепляться за несколько минут жизни? Достоинство это или недостаток? Трудно сказать.

Мартинс стоял у кромки луча, глядя вниз по течению, теперь в руке у него был пистолет, и лишь он один мог стрелять без опаски. Я разглядел что-то движущееся и крикнул ему: «Вон он. Вот он. Стреляйте». Мартинс поднял пистолет и выстрелил, как много лет назад стрелял по этой команде на Бриквортской пустоши, и, как тогда, выстрел оказался неточным. Раздался похожий на звук рвущегося ситца крик боли, в нем звучали упрек и мольба. «Молодчина», — крикнул я и остановился около Бейтса. Он был мертв. Когда на него навели прожектор, глаза остались безучастно открытыми, кто-то нагнулся, взял прилипшую сигаретную пачку, бросил в поток, и она понеслась по течению — это оказался обрывок желтой «Голд флейк»: да, Бейтс был далек от Тотенхем-корт-роуд.

Когда я поднял взгляд, Мартинс уже скрылся в темноте. Я окликнул его, но мой голос утонул в гулком эхе, в шуме и реве подземной реки. Потом раздался третий выстрел. Мартинс впоследствии рассказывал:

— Я пошел вниз по течению искать Гарри, но, должно быть, проглядел в темноте. А

зажигать фонарик боялся: Гарри мог выстрелить снова. Очевидно, пуля настигла его у бокового хода. И он пополз к железной лестнице. Там, наверху, в тридцати футах, был люк, но у Гарри не хватило бы сил его приподнять, и даже если бы удалось, наверху стояли полицейские. Должно быть, он все это знал, но от боли лишился рассудка, и наверное, как животное инстинктивно ползет умирать в темноту, так человек стремится к свету. Его тянет умереть в привычном мире, а темнота — мир для нас чуждый. Гарри стал карабкаться по ступеням, но тут боль усилилась и не дала двигаться дальше. Что заставило его насвистывать ту нелепую мелодию, которую, как я верил по глупости, написал якобы он сам? Старался ли привлечь внимание, хотел ли, чтобы рядом был друг, хотя этот друг и устроил ему ловушку, или свистел в бреду безо всякой цели? Словом, я услышал его свист, пошел обратно вдоль стены, нащупал, где она кончается, и поднялся по темному ходу туда, где лежал он. «Гарри», — окликнул я, и свист оборвался прямо у меня над головой. Я все еще боялся, что он может выстрелить. Нащупав железный поручень, я стал подниматься. И уже на третьей ступеньке наступил ему на руку, он лежал там. Я осветил его фонариком, пистолета не было, очевидно, выронил при ранении. Сперва мне показалось, что он мертв, но тут у него вырвался жалобный стон. Я позвал: «Гарри», и он с большим усилием поднял на меня взгляд. Ему хотелось что-то сказать, я нагнулся и прислушался. «Проклятый болван», — произнес он, и все: не знаю, имел ли он в виду себя, совершая акт покаяния, пусть и слишком легкого (он был католиком), или меня — неспособного подстрелить зайца, с моей тысячей фунтов в год, облагаемой налогом, и моими вымышленными скотокрадами. А потом застонал снова. Я больше не мог видеть, как он мучается, и прикончил его.

— Об этой подробности мы забудем, — сказал я.

— Мне никогда не забыть, — ответил Мартинс.

В ту ночь началась оттепель, снег в Вене таял, и безобразные развалины обнажались снова: прутья арматуры висели как сталактиты, а ржавые балки торчали из серого талого снега будто кости. Могильщикам было намного легче, чем неделю назад, когда пришлось бурить мерзлую землю. День вторых похорон Лайма выдался теплым, почти весенним. Я был рад, что его снова зарывают, но ради этого двум людям пришлось погибнуть. Группа у могилы на сей раз оказалась меньше: не было ни Курца, ни Винклера — только Анна, Ролло Мартинс и я. И никто не пролил ни слезинки.

Когда все было кончено, Анна молча повернулась и, разбрызгивая талый снег, пошла по длинной аллее, ведущей к главному входу и трамвайной остановке. Я сказал Мартинсу:

— У меня есть машина. Может, подвезти?

— Нет, — ответил он. — Поеду трамваем.

— Вы выиграли. Доказали, что я безмозглый осел.

— Нет, — сказал он. — Я проиграл.

Я смотрел, как Мартинс широко шагает на своих длинных ногах за Анной. Он догнал ее, и они пошли рядом. Думаю, он не сказал ей ни слова. Это походило на концовку повести. Мартинс был никудышным стрелком и очень плохо разбирался в характерах, однако ухитрялся писать вестерны (поддерживая напряжение) и ладить с женщинами (не представляю как). А Крэббин? О, Крэб-бин все еще спорит с Британским обществом культурных связей о расходах на Декстера. Ему говорят, что нельзя оплачивать одновременные расходы в Стокгольме и в Вене. Бедняга Крэббин... Да и все мы, если разобраться, бедняги.